

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093** от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
соискание ученой степени доктора наук (ред. 01.01.2018 г.)
по направлению 07.00.00 — исторические науки и археология*

2018

Ежеквартальное издание

№ 1

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2018
© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2018

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093* on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2018)
in the field 07.00.00 — of historical sciences and archeology*

2018

Quarterly

№ 1

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2018

© Ivanovo State University, 2018

Редакционный совет

- В. С. Меметов** Ивановский государственный университет
(*председатель Редакционного совета*)
- Ю. М. Воронов** Ивановский государственный политехнический университет
- А. А. Данилов** Институт Всеобщей истории РАН
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. В. Корзенко** Институт истории Национальной Академии наук
Беларуси (Минск)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет
- И. В. Купцова** Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторацк** Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск)
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный технологический университет
- В. Л. Соскин** Новосибирский государственный университет

Editorial board

V. S. Memetov	Ivanovo State University <i>(Chairman of the Editorial Board)</i>
Yu. M. Voronov	Ivanovo State Polytechnical University
A. A. Danilov	Institute of General History of the Russian Academy of Sciences
O. V. Zolotaryov	Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical Institute
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
G. V. Korzenko	Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
I. V. Kuptsova	Moscow State University named after M. V. Lomonosov
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University of Chemistry and Technology
A. V. Repnikov	Russian State Archive of Social and Political History
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiriyakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
F. H. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Solovyev	Kostroma State Technological Institute
V. L. Soskin	Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Зябликов А. В.* Политическое позиционирование
российской художественной интеллигенции на рубеже
XIX—XX веков: тенденции и стратегии 7
- Золотарев О. В.* Сталинская модернизация и советская
интеллигенция 18
- Комиссаров В. В.* Научно-популярная книжная серия
«Эврика» как источник по истории советской
интеллигенции 1965—1976 годов 30

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Глазунов С. Р.* Российская интеллигенция в либеральных
преобразованиях: И. И. Янжул и реформа фабричного
законодательства в 1882—1914 годы 46
- Назаров И. Д.* Назаров Юрий Николаевич: философ,
педагог, интеллигент 65

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Уханова Ю. В.* Российская интеллигенция: образование
как фактор формирования гражданской позиции 72
- Бойко С. И.* Военные интеллектуалы в политическом
режиме современной России 90

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Чередникова А. Ю.* Об изучении военной интеллигенции в
научных кругах современных Вооруженных сил РФ 105

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Суслов А. Ю.* К юбилею Н. К. Михайловского 117
- Аннотации* 120
- Информация для авторов* 126

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Zyablikov A. V.* Political positioning of Russian artistic intelligentsia on the verge of the XIX—XX centuries: trends and strategies 7
- Zolotarev O. V.* Stalin modernization and Soviet intelligentsia 18
- Komissarov V. V.* The popular scientific book series “Eureka” as a source of history of the Soviet intelligentsia of 1965—1976 30

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Glazunov S. R.* Russian intelligentsia in the liberal transformations: I. I. Yanzhul and the reform of the factory legislation in 1882—1914 46
- Nazarov I. D.* Nazarov Yuri Nikolaevich: philosopher, teacher, intelligent 65

INTELLIGENTSIA IN MODERN SOCIETY

- Ukhanova Yu. V.* Russian intelligentsia: education as a factor of a civic stand formation 72
- Boiko S. I.* Military intellectuals in the political regime of modern Russia 90

HISTORIOGRAPHY OF INTELLIGENTSIA

- Cherednikova A. Yu.* About studying of the military intelligentsia in scientific community of the modern Armed Forces of the Russian Federation 105

MAKING CONCLUSIONS

- Suslov A. Yu.* To N. K. Mikhaylovsky’s anniversary 117
- Annotations* 123
- Information for authors* 126

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)53 — 283.2

А. В. Зябликов

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ: ТЕНДЕНЦИИ И СТРАТЕГИИ

Рубеж XIX—XX вв. стал важнейшим этапом исторического и политического самопознания художественной интеллигенции. События 1899—1904 гг., подготавливавшие отброшенную российскую «конституцию», революция 1905—1907 гг., постреволюционное умственное брожение позволяют не только понять динамику общественных настроений и выявить причины кризиса радикальной и либеральной концепции модернизации страны, но и выкристаллизовать родовые свойства художественной ментальности.

Прежде всего, это касается художественного восприятия истории, которая мыслится не как эволюция внешних форм, а как изменение духа. Для художника важен не столько «маршрут», сколько «аромат» истории, в которой многое происходит «непонятно как»¹. Потому внешне нелепые устои народного бытия, культуры оказываются мудрее и жизнеспособнее общественных установлений.

Опровержение линейности истории, будто бы движущейся к какому-то своему логическому осуществлению, — примета, характеризующая историософский дискурс Серебряного века. Парадоксальное суждение П. А. Флоренского о хвосте как «затанном желании»² человека напрямую связано с глубоким ощущением того, что история человечества есть история невосполнимых утрат. Смысл истории и конкретная жизнь конкретного человека

© Зябликов А. В., 2018

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета. a.zyablikov@yandex.ru

превращаются в фикцию, если исходить из временных характеристик процесса и считать каждую конкретную эпоху лишь этапом на пути достижения некоей главной цели.

Фундаментом художественной культурософии являются антиномичность и дискретность как универсальные принципы бытия. Под этим углом зрения должна рассматриваться и проблема «эволюционизма-революционизма» (тоже антиномия!) как альтернативных путей общественного устройства. Традиционное отождествление консервативной политической идеи (а к ее носителям мы с легкостью относим, например, мыслителей «веховского» направления) с проповедью охранительства, постепенства, эволюционизма излишне упрощает проблему. Без противоречия нет явления. Поясняя эту мысль, уместно воспользоваться термином *сизигия*, то есть пара, пребывающая в сопряжении³. Любая кризисная эпоха несет с собой не только разрушение и страдание, но и надежду на религиозно-нравственное преображение жизни. Кризис (революция) предполагает торжество религиозного, общественного скептицизма, который, будучи лишенным собственного содержания, неизбежно приходит к опровержению самого себя. Этим объясняется феномен принятия художниками идей общественного обновления или, по крайней мере, лояльного к ним отношения. Трактовать революционные настроения художников как импульсивно-бездумное увлечение политически беспринципных субъектов — значит следовать примитивным идеологическим клише.

Художник и политик намечают полюса общественного сознания, два альтернативных способа общественного позиционирования. Их столкновение высвечивает известную ограниченность и обреченность политики в деле разумного и справедливого общественного устройства. Художественные модели «праведного» государства предполагают строгое разделение двух сфер: «политики» и «неполитики». Первая есть область государственной координации, вторая — личного усмотрения. Компетенция государства ограничена строгим перечнем функций — частная жизнь человека автономна, неподконтрольна государству.

Как политических мыслителей многих крупных русских художников рубежа XIX—XX вв. объединяют почвенные симпатии, патриотизм, пафос созидательного и одухотворенного труда,

неприятие всяческого идейного сектантства, негативное отношение к антигосударственной проповеди (исключение — Л. Н. Толстой). Недостижимость идеального государства не отменяет необходимости искать разумную и органичную культуре народа форму осуществления индивидуальной свободы в рамках общественных установлений. Художники изучают «анатомию» государственных «органов», каждый из которых обладает особыми полномочиями и решает задачу осуществления того или иного вида блага. Однако достижимость его зависит от того, насколько органичен государственный уклад сверхчувственным началам культуры. Главное — не подавлять внутреннее движение истории и не ускорять его.

Праведное государство должно синтезировать опыт семьи, построенной на началах любви и хранящей генетическую память своего рода, с католическим (соборным) опытом Церкви. «Идеальное» государство должно стремиться к образу и подобию Церкви-Тела, которое отличается внутренней гармонией органов, с одной стороны, и способностью к органическому росту, с другой. Разорение церковности — вытеснение ее началами этническими, националистическими и политическими — ведет к духовному и культурному иссяканию, следствием чего может стать торжество прямо греховных идей. В начале XX в. именно художники могли стать звеном, связующим созидательный опыт Церкви и светского мироустройства. Интеллигенция, борясь с народными пороками и невежеством, не должна обескровливать религиозные идеалы святости и соборности. Создание «религиозной общечеловечности» возможно — однако не на доктринальном уровне «примирения позиций», компромисса или диалога между интеллигенцией и Церковью, а на почве вживания интеллигента в мир религиозных идей. В этом смысле чрезвычайно значима фигура П. А. Флоренского — ученого, мыслителя, поэта, сформировавшегося в секулярной среде и сумевшего войти в Церковь, не отрекаясь от эмпирических интеллигентских задач праведного мироустройства.

Конечно, художнические концепции государства не являются зеркальными отражениями друг друга. П. А. Флоренский, например, в отличие от демократичного В. В. Розанова, отвергает либеральную идею компромисса — его государство иерархично, аристократично. Толерантности как латентной форме безразличия

мыслитель противопоставляет идею служения как «свободной творческой воли» человека. Идея равенства ненавистна мыслителю: условием движения и жизни является не всеобщее уравнивание и обезличивание, а «повышение разницы потенциалов во всех областях»⁴, в том числе — в общественной, государственной. В конце концов должен быть найден «тип совершенного равновесия», отвечающий природе человека. К слову, семья тоже иерархична, но в этой иерархичности и кроется тайна семейной гармонии и жизнеспособности.

Бесспорно, контуры «праведного» государства, набросанные крупными деятелями русской культуры, несколько размыты, но конструирование удобных схем изначально не входит в обязанность художника. Каким бы ни был этот «город солнца», всех крупных русских художников объединяет признание первичности самопознания, самовоспитания, самосовершенствования человека по отношению к внешним формам устройства жизни. Сам по себе государственный строй не способен радикально повлиять на исправление человеческих нравов. Потому политика и тем более политическая партийность, предлагающие альтернативный плоский взгляд на человека, всегда будут объектом латентного недоверия и неприязни художника. Потому художник всегда будет осознанно или безотчетно дистанцироваться от политики.

Еще одно роковое отчуждение художнического и политического сознания пролегает в плоскости методологии: художник, говоря словами П. А. Флоренского, тяготеет к «теократической синархии» — бессистемному, гетерофоническому соединению впечатлений и переживаний, политик предпочитает «юридизм» — гомофонию, кристаллизующую мысль в четко очерченные формы⁵. Неслучайно П. А. Флоренский одной из основных проблем миропонимания считал «вопрос о пространстве». Можно сказать так: главный изъян политики заключается в стремлении упразднить объем исторического *пространства* путем создания плоского «фиктивного образа мира», претендующего на единственность и безусловность. Подлинный художник исходит из того, что любая модель гипотетична, политик склонен верить в осуществимость теоретического построения. В контексте этих размышлений вопрос: «что безопаснее в социально-политическом смысле: утопическая мечта или утопическое реформаторство?» — становится риторическим.

Художественная интеллигенция проявила себя как наиболее последовательный критик различного рода позитивистских концепций. Усиление консервативных тенденций в 90-е гг. XIX в. и в 1908—1909 гг. имело под собой сходные мотивы, которые можно структурировать следующим образом:

— безучастие радикальной и либеральной интеллигенции к судьбе отдельного человека, не являющегося субъектом «класса» и «политики», неспособность понять «страдание» отдельного человека;

— умаление прав отдельной личности, утилитарное представление о безошибочности мнения, выражаемого «темным» большинством, нашедшее свое выражение, например, в идее всеобщего избирательного права. Парадокс истории состоит в том, что живущая по правилу «пользы» масса не понимает выгод, которые сулит ей свободное развитие индивидуальности. Гениальная, пассионарная личность тем более беззащитна перед мнением и осуждением большинства;

— практика применения двойных стандартов в отношении к явлению и факту: например, лояльное отношение к революционному террору и осуждающее — к правительственным репрессиям;

— арифметичность, поверхностность радикальных идей, отсутствие в них «глубоких и значительных частей»⁶, упование на силу порыва, а не знания;

— манипулирование истиной, часто приспособляемой для каких-либо узких, тактических целей;

— самолюбование якобинством, оппозиционностью, социальным отщепенством, жертвенностью. Ф. А. Степун, размышляя об эпидемическом характере леворадикальных увлечений в начале XX в., указывал на то, что в революцию нередко шли «талантливые неудачники, амбициозные бездельники, самообольщенные говоруны и мечтательные женолюбы (левая фраза тогда очень действовала на женщин)»⁷;

— утилитарное отношение к человеку и обществу и, как следствие, нравственная, религиозная, художественная глухота.

Некоторые писатели, например В. В. Розанов, разводили марксизм как позитивистско-экономическую доктрину и социализм как романтический порыв экономически униженного большинства, не протестующего против «мистических задатков» человека.

Однако тенденцией эпохи стало поглощение социализма марксизмом, навязанным обществу в качестве безусловной нормы. Именно художники предошущали ужасы социализма как «опрокинутого хилиазма»⁸ и «желудочно-ручного благополучия»⁹.

Позитивизм страшен тем, что предлагает вполне реальный способ разрешения всех исторических и общественных противоречий. Суть его — в «понижении психического уровня в человеке»¹⁰, то есть в примитивизации смыслов, упрощении потребностей и желаний, оскудении идеалов. Позитивизм высвечивает множество частных смыслов человеческого существования и затемняет его высший смысл. Именно поэтому научные, производственные, политические успехи Европы сопровождаются масштабным наступлением на религию и нравственность.

На рубеже XIX—XX вв. мыслителями и художниками неоднократно предлагались варианты ухода от утилитаристской модели общества. Одной из влиятельных попыток такого рода является концепция Л. Н. Толстого. По мысли писателя, на пути к обретению подлинного смысла существования человеку нужно отказаться от посредников в лице государства и его институтов, церкви, различных общественных корпораций. По существу, толстовская идея предполагает вынесение человека за скобки истории. Не случайно даже преклонявшиеся перед художественным гением Л. Н. Толстого современники считали этот проект утопией. «Мы должны принять свою цель как данное, — писал В. В. Розанов, — как священное и непонятое. Религиозен весь человек, и вся жизнь его, и также его цивилизация и история: хотя, конечно, болеть все это и искажаться — может, но, искажаясь, тем самым все это уже указывает на вечную норму, от которой отстывает»¹¹. Церковь, одну из главных хранительниц исторической памяти, нельзя отнимать у человека.

Художественная интеллигенция являлась наиболее цельным и принципиальным критиком ортодоксального западничества, как, впрочем, и ортодоксального славянофильства. В 1903 г., размышляя об истоках некрасовской русскости, В. В. Розанов отмечал, что мессианиззм как национальная гордыня, мессианиззм как экспансионизм глубоко чужд несущей в себе «зрак раба» русской ментальности, развившейся в философию общей доли, общего дела: «У нас “демократизм” есть не юридический термин, не политический,

не программный, это — бытовая психология и почти мировая метафизика»¹².

Русское сознание не примет идеала, который не соответствует его крайним представлениям о справедливости, русский не желает размениваться иначе как на вечность. В русском типе высоки «иммунные» силы культуры, которые мешают ему в полной мере отождествить себя с рациональным и религиозно опрошенным Западом. Историческое распределение ролей таково: «Европа дает темы; но когда к решению их подходит русский характер, не изменивший земле своей и силе этой земли, получается волнующее по интересу зрелище»¹³.

Для художнического сознания характерна мысль о сверхнациональности, «всечеловечности» России. Даровитость русского народа проистекает не только и даже не столько из славянского корня, но из удивительного сплава различных этнических элементов: половцев, древлян, чудь, кривичей, татар. Именно в племенной перепутанности России, в «беспрограммности» ее национального и религиозного роста, в отсутствии национального «обострения» кроется разгадка уникальности и феноменальной мощи государства.

К политическому сознанию художника не приложимо понятие «эволюция взглядов». Видимо, уместнее говорить о некоей идейной доминанте: таковой является либеральное почвенничество как органичное соединение внутренних стимулов к общественному обновлению и консервативного отношения к национальным, культурным ценностям. С. Н. Сыромятников считал, что главная национально-историческая задача России на XX в. есть «устроение, освобождение сил, приведение их к добровольному, а не насильственному более соподчинению, гармонизация, улаживание отдельных воль, энергий, умов, *хотений в великий русский лад или космос*»¹⁴. «Культурный консерватизм, — писал С. Н. Булгаков, — почвенность, верность преданию, соединяющаяся со способностью к развитию, — таково было это задание, которое и на самом деле оказалось бы спасительным в истории, если бы было выполнено»¹⁵. Именно консерватизм русского православия, русской власти, русского быта оказывался спасительным во время самых тяжелых исторических испытаний, поэтому не стоит испытывать судьбу, предлагая новые формулы общественного развития. Тактика натиска в истории, как и в любом начинании,

продуктивна только тогда, когда ей предшествует накопление и упорный труд. Необходимо не конструирование схем, не ломка мира в угоду этим схемам, а проникновение в него познающего ума, вживание в мир.

События рубежа XIX—XX вв. убеждают, что художественная интеллигенция, рассматриваемая и на профессионально-корпоративном уровне, и на уровне персоналий, обозначила ориентацию на консервативно-либеральные и консервативные ценности. При этом художническая полиция обнаружила редкую конструктивность и даже прагматичность: она далека от пиетета перед «арифметичными» методами общественного обновления и европейскими либерально-эгалитарными ценностями.

Существует глубокая внутренняя связь между политическим консерватизмом и художественным каноном, который никогда не является помехой подлинному творчеству. Трудная каноническая форма всегда была «оселком, на котором ломались ничтожества и заострялись настоящие дарования»¹⁶. Посему канон освобождает, а не стесняет творческую личность. В этом смысловом контексте можно рассматривать дискуссии начала XX столетия о существовании политического консерватизма, который чаще трактовался как «старческое» удержание архаичных форм, и радикализма, в котором многие видели творческое дерзание молодых, здоровых сил истории.

История России после 1917 г. дала нам много примеров того, сколь губителен для культуры и государства радикальный отказ от почвенных ценностей. История постсоветской России убедительно свидетельствует, что демократия западного образца не органична русской культуре. Постулирование либерально-эгалитарных ценностей в качестве универсальной, оптимальной модели развития, попытка оттеснить на задворки государственной жизни национальные, почвенные приоритеты привели к обострению целого ряда проблем: экономических, социальных, межэтнических. Русский космос, несмотря на кажущуюся эластичность и податливость, обладает высокими иммунными силами, защищающими культурный организм от чужеродных влияний. Доказательством тому — все возрастающая роль православия в государственном и культурном строительстве.

Одной из самых опасных тенденций начала XX в. стало нарастающее противоречие между консерватизмом православия как его первоприродным свойством и совершающимся отступлением Церкви от консерватизма в сторону обмирщения и разорения. Разрастание этой «трещины» в конце концов привело российское самодержавие к краху.

90-е годы XIX в. — 1909 г. стали апогеем идейного самоистребления интеллигенции, начавшегося в 60—70-е гг. XIX в. и выразившегося в том, что одна ее часть, постулируя свое право говорить о чаяниях народа и от имени народа, неизменно возлагала ответственность за просчеты на другую ее часть. Интеллигенция становилась заложницей своих амбиций и политических схем. Так, прозападно настроенная часть социума видела главную помеху на пути общественного прогресса не в монархии даже, а в рецидивах славянофильства, марксисты весь свой критический пафос обрушивали на народников, с которыми генетически связаны, — и далее, по пути усиления дробности: большевики оппонировали меньшевикам, меньшевики — кадетам, кадеты — октябристам, октябристы — союзу Михаила Архангела. Чем выше степень идеологического родства, тем яростней обескровливают друг друга в борьбе общественные движения России. Эту тенденцию подтверждает и постсоветская история страны.

Особой художнической стратегией в годы тотального воздействия политики на различные сферы жизни стала модель политического «внеприсутствия», которое базировалось не только на утверждении свободы творчества, но и на отстаивании права человека самостоятельно определять меру политического должностования и участия. Этим, в частности, объясняется, почему новая политическая элита в лице политических партий так и не смогла заручиться деятельной поддержкой крупных художественных сил. Даже политически ангажированные художники избегали исполнения узких партийных задач.

Эта тенденция сохраняется и сегодня. Опереточные статисты большой постсоветской политики: услужливые деятели масс-медиа и поп-«звезды» — не в счет! Обращает на себя внимание тот факт, что подлинная художественная элита России в большинстве своем отказывается от удобной роли политических «свадебных генералов». Лучшие представители художественной интеллигенции

остаются, с одной стороны, патриотически настроенными хранителями почвенных ценностей, с другой стороны, — выразителями определенной общественной рефлексии.

В представлении художников рубежа XIX—XX вв. взаимодействие политических партий, работа думских фракций должны были обладать качествами не соперничества, а разумного диалога, партнерства, рожденного общими заботами о нуждах народа и государства. После 1905—1907 гг. своей главной миссией художники мыслили восстановление культуры над политикой, отказываясь в способности следовать нравственным, религиозным, общенациональным идеалам. Не случайно столь существенную роль сыграла художественная интеллигенция в становлении идеологии «веховства», суть которого в попытке преодолеть (путем творческого самовоспитания и политического самоограничения) крайнее человекобожие, атеизм, нигилизм, политический радикализм.

Стремлению консервативной интеллигенции перенести центр общественного внимания на идеи национального созидания и единения служили чествования крупных российских художников, рассматривавшиеся как стимул к духовному и культурному самопознанию нации. Расстроенный оркестр общественной мысли нуждался в надежном камертоне, хранящем чистоту исторического мироощущения. Именно в этой роли суждено было выступить на роковом рубеже российской жизни «грациозному» гению А. С. Пушкина. Год столетнего юбилея поэта (1899) зримо обозначил идейные редуты в грядущих общественно-политических битвах. И. А. Ильин называл поэта «солнечным центром нашей истории», залогом того, что и на русскую страсть «может быть найдена и создана совершающая и завершенная форма»¹⁷. Национально-исторический идеал, выразителем которого был поэт и жизнеспособность которого он неустанно отстаивал, превратился в одну из трагически несостоявшихся перспектив российской исторической судьбы. Сегодня мы можем утверждать: Россия рубежа XIX—XX столетий (не говоря уже о XX веке!) шла непущинскими путями, лукаво славя поэта и одновременно отрекаясь от него, а значит, отрекаясь от самого духа русской культуры. Таким образом, сам А. С. Пушкин, национальный гений России, явился опровержением последних полутора столетий нашей национальной истории. А. С. Пушкин, как и другие выдающиеся деятели

русской культуры, определенно свидетельствует в пользу запрограммированной гибельности пути, на который встала в начале XX в. заплутавшая в дебрях общественных теорий Россия.

Проблему политического самопознания художественной интеллигенции нельзя искусственно обособлять от исканий эстетических, нравственных, религиозных, что предъявляет к исследователю данной темы дополнительные требования: здесь необходимо опираться на теоретический опыт целого ряда смежных гуманитарных дисциплин: философии, культурологии, политологии, психологии, искусствознания. Однако в итоге исследователь будет вознагражден возможностью не только рассмотреть ключевые события российской истории в широком культурном, духовном и метафизическом контексте, но и спроецировать их на день сегодняшний: в роли надежного связующего звена выступит мнение и слово художника, которое всегда имело в России особый вес.

Примечания

- ¹ *Флоренский П. А.* Сочинения : в 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 353.
- ² Там же. Т. 4. С. 443.
- ³ *Флоренский П. А.* Имена : сочинения. М., 1998. С. 193.
- ⁴ *Флоренский П. А.* Сочинения. Т. 1. С. 39.
- ⁵ *Флоренский П. А.* Имена. С. 29.
- ⁶ *Розанов В. В.* Сочинения. М., 1990. С. 135.
- ⁷ *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. М., 2000. С. 123.
- ⁸ *Мережковский Д. С.* Тайна трех. Египет — Вавилон. М., 2003. С. 342.
- ⁹ *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 271.
- ¹⁰ *Розанов В. В.* Несовместимые контрасты жития. М., 1990. С. 140.
- ¹¹ *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. С. 193.
- ¹² *Розанов В. В.* Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 136.
- ¹³ *Розанов В. В.* Несовместимые контрасты жития. С. 370.
- ¹⁴ См.: Новое время. 1900. 31 дек.
- ¹⁵ *Булгаков С. Н.* Тихие думы. М., 1996. С. 334.
- ¹⁶ *Флоренский П. А.* Сочинения. Т. 4. С. 378.
- ¹⁷ См.: Пушкин в русской философской критике, конец XIX — первая половина XX в. М., 1990. С. 353.

О. В. Золотарев

СТАЛИНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Российская история отличается сложными взаимоотношениями власти и интеллигенции, весьма трудно складывались они и в советский период.

Особенно непростым было взаимодействие коммунистической власти и интеллектуальной элиты в первые послереволюционные годы. Уже тогда четко просматривалось разделение интеллигенции по идеологическому признаку: на старую и новую. Старая интеллигенция, получившая свое образование и воспитание еще до 1917 года, хоть и преобладала численно, но была в политическом плане пассивна: ее активная часть либо эмигрировала, либо погибла в ходе Гражданской войны. Она даже и не думала о какой-либо оппозиции к власти и в своем большинстве не принимала новый строй. Негативное отношение интеллектуалов к власти не мешало сотрудничеству с ней. Однако невозможность полностью удовлетворить нужду в кадрах, путем привлечения дореволюционной интеллигенции, вынудила власть (наряду с политической стороной этой проблемы) не только пойти на определенный компромисс со старой интеллектуальной элитой, но и поставить задачу воспитания новой, социалистической интеллигенции из крестьян и рабочих. Они должны были обслуживать нужды общества на новом этапе развития. Коммунистические лидеры полагали, что именно рабоче-крестьянская интеллигенция

© Золотарев О. В., 2018

Золотарев Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина. oleg-zolotarev@mail.ru

в скором будущем станет их надежной опорой, ее же социальное происхождение будет гарантией не только близости к рабочему классу, но и верности Советской власти. Таким образом, не сумев добиться явно выраженной поддержки у старой интеллигенции, большевики полагали, что новая интеллигенция постепенно вытеснит старую¹.

Численность новых интеллектуалов в нэповский период быстро росла, это отвечало интересам власти. Однако заметно было и постепенное обострение противостояния старой и новой интеллигенции: выдвиженцы отмечали в старых специалистах идеологическую отсталость, а те — видели плохую профессиональную подготовку новых интеллигентов.

Надо заметить, что противопоставление старой и новой интеллигенции в эти годы прослеживалось достаточно явно. Впрочем, постепенно и из старой интеллигенции выделяется категория беспартийных, готовых сблизиться с новой порослью.

Таким образом, можно говорить о том, что в 1920-е годы значительная часть интеллигенции, несмотря на негативное отношение к новому режиму, согласилась работать с большевистской властью. Одни пошли на это по принуждению, другие оказались привлечены материальными благами, третьи — в силу равнодушия и апатии. *Благодаря сотрудничеству с интеллигенцией* властям удалось временно создать нормально функционирующий административный аппарат, восстановить промышленность и сельское хозяйство. Налаживающиеся взаимоотношения интеллигенции и власти привели к тому, что ее представители, самых разных политических настроений, стали работать на развитие страны. При этом значительное число лиц умственного труда если не враждебно, то весьма настороженно относилось к коммунистической власти и сотрудничало с ней поначалу исключительно в силу материальной заинтересованности. Понятно, что такая позиция образованного слоя мало устраивала власть. Коммунистическая партия, утвердившаяся в обширной стране, должна была опираться на своих людей во всех областях и сферах деятельности. Именно это простое умозаключение и подводило к курсу на создание новой, рабоче-крестьянской интеллигенции. Следует учитывать, что сотрудничество Советской власти и буржуазных специалистов сказывалось во взаимоотношениях с другими

слоями общества. Рабочие и крестьяне настороженно, а нередко и враждебно относились к сравнительно благополучной в материальном плане жизни людей умственного труда².

Но в начале 1930-х годов ситуация меняется. Одержавшая верх в борьбе за власть сталинская группировка берет курс на национально-государственное выживание Советского Союза. Фактически русская традиция оказалась сильнее большевистской идеологии, придав последней прямо противоположный характер «социализма в одной стране». В рамках избранного курса осуществляется широкое общественное и политическое реформирование, идет модернизация промышленности и сельского хозяйства. На действия Сталина и его сторонников все больше влияние оказывают *патриотические, а не идеологические интересы*. Изменившийся режим нуждался для своей легитимации в политических традициях имперской России и не мог больше опираться на тех, кто боролся против них. В силу изменившихся обстоятельств для сторонников сталинской линии *опасность происходила уже не от старой интеллигенции, а от новой номенклатуры*, не воспринимавшей отход от ортодоксального марксизма. К тому же огромное количество выдвиженцев, слабо подготовленных в профессиональном отношении, являлось одним из препятствий к успешной модернизации экономики, проведению индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства. Это вынудило власть не только вернуть на прежние должности старых специалистов, но и притормозить выдвиженчество. Уже к середине 1930-х годов фактически прекращается «спецеество», вводится негласный запрет и на агитацию против специалистов.

Курс на модернизацию меняет и отношение власти к интеллигенции в целом. Исчезает категория «лишенцев», устраняются привилегии рабочих и крестьян при поступлении на учебу, снимаются ограничения на прием интеллигенции в партию. Различия между старой и новой интеллигенцией постепенно практически исчезают. Во многом это объяснялось уходом старых интеллектуалов от активной деятельности (просто в силу возраста) и ростом лояльности по отношению к власти.

Особое значение в этом плане имел тот факт, что представители властной элиты постепенно осознали значение интеллектуальных кругов не только в процессе модернизации страны, но и в деле

укрепления самой власти. И. В. Сталин подчеркивал: «Ни один класс не может удержать власть и руководство государством, если не сумеет создать собственной интеллигенции, то есть людей, которые отошли от физического труда и живут умственным трудом». Новый вождь партии и государства предостерегал соратников от пренебрежительного отношения к интеллигенции: «У нас часто бывает так: работал рабочий у станка, потом пошел учиться, стал образованным человеком, и к нему сразу пропало всякое уважение. Я считаю, что это дикость. При таких взглядах мы можем действительно загубить государство, загубить социализм»³. Сталинская группировка понимала, что новая, социалистическая интеллигенция, которая неизбежно придет на смену буржуазным специалистам, не может не быть интеллигенцией рабочего класса, его классовым отрядом работников умственного труда.

В 1939 году И. В. Сталин в отчетном докладе на XVIII съезде ВКП (б) еще раз обратил внимание партийных руководителей на важность налаживания отношений с интеллигенцией: «Несмотря на полную ясность позиции партии в вопросе о советской интеллигенции, в нашей партии все еще имеют распространение взгляды, враждебные советской интеллигенции и несовместимые с позицией партии. Носители этих неправильных взглядов практикуют, как известно, пренебрежительное, презрительное отношение к советской интеллигенции, рассматривая ее как силу чуждую и даже враждебную рабочему классу и крестьянству. Правда, интеллигенция за период советского развития успела измениться в корне, как по своему составу, так и по своему положению, сближаясь с народом и честно сотрудничая с ним, чем она принципиально отличается от старой, буржуазной интеллигенции. <...> Дело с интеллигенцией изменилось... в корне после Октябрьской революции. <...> Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции пошли в вузы и техникумы и... пополнили поредевшие ряды интеллигенции. Они влили в интеллигенцию новую кровь и оживили ее по-новому, по-советски. <...> Создана, таким образом, новая, советская интеллигенция, связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой... Для новой интеллигенции нужна новая теория, указывающая на необходимость дружеского отношения к ней, заботы о ней,

уважения к ней и сотрудничества с ней во имя интересов рабочего класса и крестьянства»⁴.

Вместе с тем, партийный лидер не уставал подчеркивать, что интеллигенция занимает подчиненное положение в обществе: «...интеллигенция — обслуживающий элемент, не общественный класс. Она сама ничего не производит, не занимает самостоятельного места в процессе производства... Когда интеллигенция ставит себе самостоятельные цели, не считаясь с интересами общества, пытаясь выполнить какую-то самостоятельную роль, — она терпит крах. Она вырождается в утопистов. Всегда, когда интеллигенция пыталась ставить самостоятельные задачи, она терпела фиаско. Роль интеллигенции — служебная, довольно почетная, но служебная». И. В. Сталин акцентировал внимание на том, что интеллектуалы служат господствующему классу: чем лучше они распознают его интересы и чем лучше они их обслуживают, тем большую роль интеллигенция играет в обществе — «в этих рамках и на этой базе ее роль серьезная». А при социализме она служит интересам рабочего класса, поэтому «интеллигент может развивать все свои способности, трудиться так же, как рабочий и крестьянин». Однако, несмотря на свою подчиненную роль, в социалистическом обществе интеллигенция, в отличие от капиталистического строя, «полностью равноправна»⁵.

Таким образом, И. В. Сталин, указывая на подчиненное, несамостоятельное положение интеллигенции в обществе, говорил о необходимости не забывать о той важной роли, которую играет интеллигенция в общественном развитии, и требовал ни в коем случае не ущемлять ее в правах.

Острая необходимость быстрой модернизации Советского Союза требовала не только перемен в отношении власти и интеллигенции, но и понимания важности повышения культурного уровня народа для обеспечения успеха промышленного развития, что не могло не привести к усилению внимания властей к проблемам развития школы и образования. В связи с этим интересно, что *задачу повышения образованности молодого поколения И. В. Сталин определил как «некоторый фундамент для того, чтобы сделать через некоторое время всех рабочих и крестьян интеллигентами... Тогда мы будем непобедимы»*⁶. Эти мысли вылились не только в простую и эффективную сталинскую

образовательную реформу, но и привели к серьезному повышению уровня материальной обеспеченности советской интеллигенции. В конечном счете эта линия имела итогом формирование и значительный численный рост новых социальных групп с широким образованием. Идет и своеобразная статусная революция, усиление социального и идеологического расслоения, что не исключало, впрочем, нормализации социального климата и придания устойчивости режиму⁷.

Быстрое развитие индустрии, таким образом, неизбежно вело к сближению власти и интеллигенции. Но это сближение сопровождало любопытное обстоятельство: власть, преследуя свои цели, становилась все ближе именно старой интеллигенции. С другой стороны, дореволюционным интеллектуалам импонировало обращение к патриотизму, возвращение к прежним традициям, а после войны — и создание Советской империи.

Этому способствовало и то, что власть сознательно и весьма последовательно поднимала престиж ученого, специалиста, работника умственного труда, пыталась той части интеллигенции, которая работала на укрепление режима, создать комфортные материальные условия. Постепенно заработная плата инженерно-технических и научных работников начинает превышать доходы рабочих. К концу 1930-х годов даже оклады учительства (унизительно низкие в период нэпа) становятся выше средней заработной платы по стране. Апогей материального благополучия представителей интеллектуальных профессий, когда уровень жизни интеллигенции наиболее значительно превышает материальное положение рабочих и, тем более, крестьян, приходится на середину 1950-х годов. У многих представителей умственного труда была не просто высокая зарплата, им обеспечили прекрасные жилищные условия, практически у всех были домработницы. Именно в это время советская интеллигенция во многом приблизилась к своему дореволюционному статусу⁸.

Столь привилегированное состояние интеллигенции объяснялось особым положением, которое она занимала в сталинской системе, недаром ее представителей называли «инженерами человеческих душ». Власть видела *главную задачу интеллигенции в выработке теории развития социалистического общества*. Но именно в этом плане должной помощи от интеллигенции она так и не получила.

Здесь, возможно, лежит причина некоторого охлаждения отношений власти и интеллигенции в послевоенный период. В это время прозападные настроения интеллигенции усиливаются, чему способствовали как военный союз с западными державами, так и пошедшее явно не в пользу советского режима сравнение с европейским уровнем жизни, которое невольно произошло в ходе освобождения восточноевропейских стран. Все это привело к ужесточению политики режима по отношению к интеллигенции, которая в глазах властей являлась невольным сторонником западного образа жизни, что выразилось в серии известных постановлений по литературе и искусству, гонениях на кибернетику и генетику, в «деле врачей» и борьбе с «низкопоклонством перед Западом».

То, что советская интеллигенция стала объектом репрессий (и особенно чувствительными для нее были способы, которыми это делалось), возможно, являлось попыткой властей указать интеллектуалам на занимаемое ими подчиненное положение. Необходимо помнить, что И. В. Сталину пришлось держать оборону перед интеллектуальной средой страны, которая, чаще всего неосознанно (и власть это понимала), скорее по причине традиционно либеральных настроений образованного общества, поддерживала буржуазную идеологию⁹.

Именно в силу этого обстоятельства власть и после войны не уставала указывать на недостаточные, по ее мнению, патриотические настроения интеллигенции. И. В. Сталин на встрече с писателями в 1947 году говорил: «Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей <...> у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них не оправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Эта традиция отсталая, она идет еще от Петра... Почему мы хуже? В чем дело? В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдалбливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает... Вот взять такого человека, не последний человек... а перед каким-то подлецом-иностранцем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет свое достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничтожения у многих наших интеллигентов»¹⁰.

Естественно, власть по-прежнему была вынуждена обратиться к интеллигенции, пытаясь укрепить систему. Именно поэтому, напомним, никто в сталинском обществе не был удостоен такого внимания и не имел таких материальных привилегий (за исключением, возможно, коммунистической номенклатуры), нежели интеллигенция¹¹. Именно этим обстоятельством объяснялось и стремление поднять престиж интеллигенции, показать ее близость и нужность власти. Революционные настроения, стремление к быстрым переменам, которые господствовали в советском обществе (особенно в 1920—30-е годы), вели к непопулярности многих интеллектуальных профессий. Ведь их подчас не окружал ореол героизма, причастности к происходившему в стране. Только после проведения определенных мер, направленных на повышение социального статуса интеллигенции, удалось выправить положение.

Особо следует выделить широкую агитационно-пропагандистскую кампанию. Так, в центральных и местных газетах помещались очерки о преданных своему труду интеллигентах. При этом подчеркивалась важная роль интеллигенции с дореволюционной подготовкой (а ее оставалось еще немало). Был снят и ряд фильмов об интеллигенции («Депутат Балтики», 1936 г., «Учитель», 1939 г.; после войны — «Весна», 1947 г., «Сельская учительница», 1947 г. и др.), не только говоривших о важности интеллектуального труда, но и свидетельствующих о переходе старой интеллигенции на сторону Советской власти. Возобновились и практика награждения представителей интеллектуального труда орденами и медалями, в основном именно им присуждались Сталинские премии. Можно говорить о том, что никогда в российской истории социальный престиж интеллигенции не был так высок, как в военные и первые послевоенные годы. И это не могло не нравиться интеллигенции.

Импонировала интеллектуальным кругам и востребованность, возможность участия в грандиозном проекте индустриального переустройства страны, хотя интеллигенты опасались утраты своей главной (по их мнению) привилегии — жить исключительно в мире интеллектуальных иллюзий. Возможно, именно этим объяснялось сохранение критического отношения к власти. Однако, как верно замечает ряд исследователей, оно носило

во многом характер «диффузного интеллигентского недовольства, редко поднимавшегося до ясного понимания природы советского тоталитаризма и его полного отрицания, а тем более до участия в оппозиционном политическом движении». Кроме того, обращение власти к имперской идеологии вело к тому, что советская интеллигенция не признавала полной идентичности социализма с советской системой, и ее имперское измерение «если и не примиряло интеллектуалов... с властью, то все же очерчивало между ними и нею некую общую зону»¹².

Сыграло свою роль и еще одно значимое умонастроение интеллигенции, которое виделось в сохранении высших ценностей и образцов великой русской культуры для будущих поколений. Эта установка на сбережение русской традиции была особенно значимой для гуманитарной интеллигенции. Требование сохранения духовности оказалось моментом самоидентификации, а затем и консолидации интеллигенции. В связи с последним нередко полагают, что интеллигенция, если обратиться к ее реальной социальной роли в сталинский период, стала особым слоем «служивой государственной бюрократии, занимающейся просвещением, обоснованием и легитимацией власти». Причем профессиональная деятельность на государственной службе и «оппозиционная самоидентификация» не только не противоречили, но дополняли друг друга, обеспечивая своеобразное представление интеллигенции о самой себе, ее завышенную самооценку. В итоге возникает специфически русский интеллигентский нарциссизм, который отрицал любую политическую активность¹³.

Это было характерно для всех интеллектуальных групп. Многие семьи в данный период стали интеллигентскими за одно, максимум два поколения. Естественно, новые советские интеллигенты и интеллектуалы не могли не отличаться от дореволюционных, выходцы из многих социальных слоев имели свои родовые отличия. И дело здесь не в качестве, вряд ли старая интеллигенция в конечном итоге сильно отличалась от новой, дело во времени, которое требовалось для утверждения в ином состоянии. Постепенно старая интеллигенция сливалась с новой, образуя единое целое. Конечно, различия были заметны в довоенное, возможно, и в послевоенное время, когда старая интеллигенция была интеллигентами в третьем-четвертом поколениях, а новая —

выходцами из рабочих и крестьян. Но уже к пятидесятым, тем более, к шестидесятым годам дети выдвиненцев стали потомственной интеллигенцией. И различия между старой и новой интеллигенцией были уже малоразличимы, если вообще различимы. Что касается качества, то здесь все уже зависело от личности «старых» и «новых». Конечно, стоит отметить, что некоторые отличия все же сохранялись. Так, среди старой интеллигенции оставалось много гуманитариев, ибо здесь была важна подготовка, полученная в детские годы (например, знание языков). Среди новой — больше технической интеллигенции, особенно в провинции (что объяснялось возникновением новых промышленных городов). Впрочем, и у тех и у других можно было наблюдать полный срез различных групп интеллектуалов.

Таким образом, можно утверждать, что целый комплекс причин (улучшение материального положения, внимание к развитию школы и образования, возвращение к имперским традициям и др.) в период интенсивной модернизации Советского Союза выступает немаловажным фактором того, что старая интеллигенция становится одним из явных сторонников власти. К тому же она оказывалась более восприимчивой к повороту властей к великодержавности, нежели сформировавшаяся в традициях интернационализма новая интеллигенция 1920-х годов. Именно поэтому новые интеллигенты (наряду с представителями номенклатуры), склонные к идеям интернационализма, становятся главной жертвой репрессий конца 1930-х годов. А после войны происходит и раскол в рядах новой интеллигенции. Одна ее часть поддерживала антизападные настроения властей, другая не восприняла обращение к русским национальным ценностям и встала в глухую оппозицию к режиму.

В конечном итоге именно сталинская модернизация привела к созданию мощной интеллектуальной элиты в стране. Конечно, можно спорить о том, какой была эта интеллигенция, но она была создана. Советский Союз к концу 1930-х годов стал в интеллектуальном отношении развитым обществом. Модернизация страны способствовала определенному сближению власти и интеллигенции, необычайному подъему социального статуса последней и некоторой (хотя и весьма хрупкой, что показали послевоенные события) устойчивости в интеллигентских кругах.

Но что любопытно, последнее обстоятельство ничуть не помешало в дальнейшем проявиться существенным отличиям в восприятии интеллигенцией и народом И. В. Сталина как знаковой политической фигуры того времени. Интеллигенция встала фактически во главе хрущевской борьбы с культом личности и десталинизации времен перестройки. Впрочем, подобное различие в оценках главы государства интеллигенцией (и элитой в целом) и народом для нашей страны — дело обычное. Это относится не только к Сталину. Интересна в связи с этим позиция евразийцев, отмечавших отнюдь не случайное несогласие элиты и народа. Напомним, что русская революция 1917 года воспринималась ими как национально-освободительная, позволившая сбросить со страны и иго западного капитала, и чуждую для нас западную культуру. Трагедия же революции виделась им в том, что волею судеб ее возглавили крайние западники-марксисты, а марксистская наука (в основе своей европоцентристская) была не в состоянии понять ни феномена революции, ни советской цивилизации. Потому евразийская теория и выделяла стихийно почвенническое движение — русский коммунизм, который хоть и использовал евроцентристскую фразеологию, но выражал идеи русского патриотизма и государственничества, и западнический коммунизм — теорию, не просто отказывавшую России в самобытности, но и относящую ее к отсталым странам, которые нужно, несмотря на жертвы, подогнать под западные каноны. Победа Сталина означала победу русского коммунизма. Евразийцы не уставали отмечать, что верхи и низы в России — это, со времен Петра Великого, — две разные цивилизации. Они отличаются во всем, в том числе и в представлении об идеальном правителе. И именно в этом, по мнению евразийцев, основа расхождений в восприятии Сталина интеллигенцией и народом. Интеллигенция предпочитает западный идеал правителя, где элита и правитель теснейшим образом связаны между собой горизонтальными связями. В России правитель всегда возвышается над элитой, а государство тяготеет не к элитарной, а к народной монархии, где правитель может напрямую обратиться к народу, где он безжалостен к врагам из своего окружения¹⁴. Сталин в духе народной, византийско-евразийской монархии сделал выбор не в пользу элиты и интеллигенции, а в пользу интересов народа и государства,

покусился в ходе межпартийной борьбы на партийные верхи. И именно этого, несмотря на то что правление Сталина было для интеллигенции в советский период истории, возможно, самым благополучным временем, как в материальном, так и в статусном плане, она не может ему простить.

Примечания

- ¹ *Золотарев О. В.* Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 48.
- ² Там же. С. 44.
- ³ *Сталин И. В.* Выступление на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам партийной пропаганды в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП (б)» 10 октября 1938 года // Соч. М., 2006. Т. 18. С. 164.
- ⁴ *Сталин И. В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б) 10 марта 1939 г. // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 646—648.
- ⁵ Запись беседы товарища Сталина с германским писателем Лионом Фейхтвангером 8 января 1937 года // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 250—251.
- ⁶ *Сталин И. В.* Выступление на заседании Политбюро ЦК ВКП (б)... С. 166.
- ⁷ *Левин М.* Советский век. М., 2008. С. 11.
- ⁸ *Зезина М. Р.* Складывание командно-бюрократических методов руководства культурой // Режим личной власти Сталина: к истории формирования. М., 1989. С. 152.
- ⁹ *Фетисов А.* Иосиф Виссарионович Сталин и интеллигенция : (ответ Померанцу). Москва, 1965 год. URL: <https://www.razumei.ru/lib/article/647> (дата обращения: 14.08.2017).
- ¹⁰ Встреча с писателями 13 мая 1947 года / записал К. Симонов // *Сталин И. В.* Соч. М., 2011. Т. 16, ч. 1. С. 758.
- ¹¹ Интеллектуалы и демократия : российский и польский взгляд. М., 2009. С. 13.
- ¹² Там же. С. 44—45.
- ¹³ Там же. С. 44—46.
- ¹⁴ *Вахитов Р.* Сталин: раскол между интеллигенцией и народом. URL: <http://stalinism.ru/stalin-i-gosudarstvo/stalin-raskol-mezhdu-intelligentsyey-i-narodom.html> (дата обращения: 14.08.2017).

В. В. Комиссаров

**НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ
«ЭВРИКА» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1965—1976 ГОДОВ**

Общие замечания. Появление в середине 1960-х гг. книжной серии «Эврика», выпускавшейся издательством «Молодая гвардия», стало вполне закономерным. Автор этих строк в одной из своих прежних публикаций отмечал огромное распространение научной публицистики в период поздней оттепели¹. Фактически научная популяризация стала таким же символом интеллигентской жизни той эпохи, как авторская песня, научная фантастика, походный туризм и пр. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» печатало научно-популярные книги еще с довоенных времен и имело в этой сфере богатый опыт. Формально изучаемая книжная серия ведет свое начало с 1965 г., но ежегодники под названием «Эврика» стали выходить еще с 1963 г. Кроме этого, часть авторских публикаций прежде издавалась без серийного оформления, например работа Д. С. Данина «Неизбежность странного мира» о квантовой физике, книга австрийского врача Г. Глязера «Драматическая медицина», публикация В. П. Смилги «Очевидное? Нет, еще неизведанное» о теории относительности и некоторые другие. Их появление в «Эврике» стало повторным изданием.

Свое название книжная серия получила от известной легенды об открытии закона Архимеда, когда античный ученый, в обнаженном виде покинув ванну, провозгласил: «Эврика!» — «нашел!». В качестве логотипа серии использовалась стилизованная под буквы греческого алфавита надпись «Эврика». На некоторых изданиях присутствовало условное изображение голого бегущего мужчины, видимо призванное напомнить

© Комиссаров В. В., 2018

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии. cosh-kin@mail.ru

читателям об Архимеде и обстоятельствах открытия им соответствующего физического закона.

Сами редакторы книжной серии разделили свою продукцию на четыре вида². Во-первых, это традиционные научно-художественные книги. Во-вторых, так называемые «Беседы» ученых на заданную тему, например «Беседы об автомобиле» Ю. А. Долматовского, «Беседы с академиком В. Глушковым» Г. В. Максимовича, «Беседы о новой иммунологии» Р. В. Петрова, «Беседы о тайнах психики» Я. В. Коломинского и др. В-третьих, многотомные энциклопедические издания, такие как «Мир животных», «Мир растений», «Мир океана», «Мир истории». Ради справедливости следует заметить, что в изучаемый нами период успел выйти в свет только пятитомник И. И. Акимускина «Мир животных». В-четвертых, это сборники, такие как ежегодники «Эврика», «Формула творчества», «Спутник молодого рабочего», «Спутник сельской молодежи».

С точки зрения оформления книги серии можно разделить на три группы. Первая — это книги стандартного (среднего) формата в твердых картонных обложках. В таком виде выходили все научно-художественные издания и некоторая часть сборников. Они хорошо иллюстрировались черно-белыми рисунками, часто в форме шаржей или карикатур (в стиле «ученые шутят»). В некоторых случаях применялись вклейки с фотографиями. На последнюю страницу обложки выносились фотоснимки авторов и подробные сведения о них. Хотя были и исключения. Например, фото и данные отсутствовали в сборниках или в случаях, когда эти сведения нельзя было озвучить в открытой печати. Так, не было авторских данных в книге советского конструктора космических аппаратов О. Г. Ивановского, который под псевдонимом «А. Иванов» напечатал в серии «Эврика» автобиографическую повесть о развитии советской космонавтики «Первые ступени»³.

Вторая группа изданий — это книги в мягкой обложке, также красочно иллюстрированные цветными и черно-белыми изображениями. Их формат мог отличаться от стандартного до увеличенного. Так печатались ежегодники «Эврика», сборники «Спутник молодого рабочего» и «Спутник сельской молодежи».

Третья группа самая дорогая с точки зрения оформления и полиграфии. Это так называемые энциклопедические многотомники

«Мир животных», «Мир растений» и пр. Они выходили в твердом лидериновом переплете и увеличенном формате.

Выбор хронологических рамок исследования объясняется следующими обстоятельствами. В истории нашей страны 1965—1976 гг. представляют заверченный исторический период, когда закончился переход от оттепели к застою, когда трансформировался характер советской цензуры, реализовались охранительные тенденции в идеологии и пропаганде. Если в начале рассматриваемого периода в публикациях, в том числе и в научно-популярных, присутствовали оттепельные настроения, то к середине 1970-х гг. сформировался новый стиль, который отличался даже в оформлении изданий.

Источниковая ценность книг серии «Эврика» видится в двух аспектах. Во-первых, это источники по истории научно-популярной литературы в СССР, по развитию книгоиздательского дела. Во-вторых, это исторические источники в широком смысле слова, источники по истории советской интеллигенции, по развитию советской науки, по господствующим общественным настроениям. Наше внимание будет сосредоточено преимущественно на втором аспекте источниковой значимости книжной серии «Эврика».

Проблема авторства книжной серии «Эврика». Нами были проанализированы данные по 86 авторам книг, напечатанных в цикле «Эврика» в 1965—1976 гг. В это число вошли авторы научно-художественных книг, энциклопедических изданий и некоторых сборников («Молодым изобретателям», «Формула творчества», «Возраст познания»). Не учитывались сведения об авторах заметок в ежегодниках, в «Спутниках молодого рабочего» и «Спутниках сельской молодежи», т. к. эти издания были своего рода дайджестами, где уже ранее обнародованная информация печаталась.

Следует заметить, что установление авторства не представляет практически никакой проблемы. Все подписывались своими фамилиями или хорошо известными псевдонимами. Среди популяризаторов, использовавших псевдонимы, можно назвать А. М. Шарову, печатавшуюся под псевдонимом Анна Ливанова, А. Н. Бразоля, использовавшего фамилию А. Томилин. Единственный автор, чей псевдоним в те годы мог вызвать затруднения, —

это уже упоминавшийся «секретный конструктор» О. Г. Ивановский. Расшифровки его псевдонима «А. Иванов» не было ни в двух изданиях книги «Первые ступени» (1970, 1975), ни в редакционном каталоге, вышедшем в 1977 г. Впрочем, с конца 1980-х гг. О. Г. Ивановский, оказавшийся весьма плодовитым, стал подписываться своей настоящей фамилией.

С гендерной точки зрения авторский коллектив «Эврики» в 1965—1976 гг. представлен преимущественно мужчинами: на 80 представителей сильного пола было всего 6 женщин. Возрастная структура авторов показана в таблице 1.

Таблица 1

**Возрастная структура авторов книжной серии
«Эврика» в 1965—1976 гг.**

Годы рождения	Кол-во авторов	В % округленно
До 1901	8	9
1901—1910	13	15
1911—1920	14	16
1921—1930	24	28
1931—1940	24	28
1941—1950	2	2
Нет данных	1	1

Как видно из таблицы, большая часть авторов (56 %) родились в 1921—1940 гг., т. е. в изучаемый период находились в наиболее работоспособном возрасте 36—55 лет. Кроме того, из приведенных данных следует и другой, более важный вывод: подавляющее большинство авторов «Эврики» были продуктом советской эпохи. Конечно, конкретные мировоззренческие позиции авторов требуют отдельного разговора, но можно сделать определенное заключение об условиях их личностного становления.

Немало могут сказать данные об образовании, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2

Образование авторов серии «Эврика»

Учебные заведения	Кол-во авторов	В % округленно
Московский государственный университет	31	36
Другие вузы Москвы	21	24
Ленинградский (Петроградский) университет	6	7
Другие вузы Ленинграда	6	7
Заграничное образование	4	5
Прочие вузы СССР	14	16
Нет данных	4	5

Таблица показывает преобладание лиц со столичным образованием, при этом среди вузов Москвы явно лидирует МГУ. Даже выпускники ленинградских вузов не занимают заметного места. С одной стороны, это может свидетельствовать о высоком профессиональном уровне, с другой — о некоторой замкнутости круга популяризаторов науки, об элитарности не в самом лучшем смысле слова. Следует пояснить наличие авторов с зарубежным образованием. В первые годы в «Эврике» печатали переводные издания. Так, в 1965 г. был опубликован русский перевод популярной «Эволюции физики», которую А. Эйнштейн написал в соавторстве с польским физиком Л. Инфельдом. В те же годы вышли книги австрийского врача Г. Глязера «Драматическая медицина» и «Новейшие победы медицины». В число авторов с заграничным образованием попал советский и итальянский физик Бруно Понтекорво (выпускник Римского университета), который стал одним из участников сборника «Возраст познания» (1974).

Также весьма показательны сведения об ученых степенях и званиях авторов книжной серии, которые представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Членство в академиях, ученые степени
и звания авторов книжной серии «Эврика»**

Ученые степени и звания	Кол-во авторов	В % округленно
Академики	15	17
Члены-корреспонденты АМН	2	2
Доктора наук	27	31
Кандидаты наук	18	21
Нет ученых степеней и званий	24	28

Мы видим, что авторский коллектив книжной серии по преимуществу остепенен. Конечно, заметная доля академиков объясняется их участием в официальном нравоучительном сборнике «Возраст познания». Кроме этого, сам по себе факт наличия ученой степени не гарантирует высокой квалификации и таланта популяризатора. Тем не менее, можно предположить, что большая часть авторов были в науке людьми не случайными, компетентными в тех дисциплинах, о которых они писали.

Столь же показательны данные по членству авторов в творческих союзах (табл. 4).

Таблица 4

Членство авторов в творческих союзах

Творческие союзы	Кол-во авторов	В % округленно
Члены Союза писателей	15	17
из них с учеными степенями	8	9
Члены Союза журналистов	9	10
из них с учеными степенями	2	2

Таким образом, среди авторов книжной серии были профессиональные писатели и журналисты. Некоторые из них совмещали писательство, журналистику и науку, причем отдельные авторы проявили себя не только в научной публицистике, но и в других жанрах, например в фантастике. Так, Анна Ливанова (А. М. Шарова) писала повести об ученых, беллетризованные биографии деятелей науки, самая популярная из которых — биография

Л. Д. Ландау. А. Томилин (А. Н. Бразоль) известен как писатель-фантаст. А. В. Яблоков, ныне академик и знаменитый эколог, реализовал себя в нескольких ипостасях: как ученый-биолог; как популяризатор, соавтор книг «Загадка океана» и «Наш друг дельфин»; как писатель-фантаст с псевдонимом Тур Трукатов (в «Эврике» он печатался под своим именем). Фантастику и научную популяризацию совмещал в своем творчестве Лев Успенский. В «Эврике» он публиковал научно-художественные книги по лингвистике, филологии и топонимике.

Чтобы еще раз подчеркнуть высокий профессиональный уровень авторского и редакторского коллектива книжной серии «Эврика», обратимся к В. Н. Ганичеву, который в изучаемый период был ответственным работником ЦК ВЛКСМ и возглавлял издательство «Молодая гвардия»: «Вот редакция серьезной и живой научно-популярной литературы для юношества “Эврика”. Они ведь и название себе придумали (вместе с руководством издательства) привлекающее. Да и книги были потрясающие по успеху и тиражом меньше чем 100 тысяч не выходили. Книгу И. Акимушкина “Мир животных” пришлось выпустить три раза повышенным тиражом. Честно говоря, я не знал, что у нас в стране такое количество людей любит читать про животных. Да что в стране — эта книга вышла в Японии, ГДР, Болгарии. Успехом пользовались книги “Безумные идеи”, “Физика — моя профессия”. Ошеломляющий успех был у книги известного писателя Сергея Наровчатова “Необычное литературоведение”, а также “По закону буквы” Л. Успенского. Они обращали взор и ум молодого читателя к гуманитарным наукам»⁴.

Тематическая и содержательная сторона книжной серии «Эврика». Всего в 1965—1976 гг. в серии «Эврика» с учетом переизданий было выпущено в свет 152 книги. Тематическая классификация этих публикаций вызывает определенные сложности, т. к. они не являются монографиями или сборниками статей со строго заданной дисциплинарной принадлежностью. Многие книги написаны на стыке наук или посвящены каким-либо сквозным темам — научной сенсации (Л. В. Бобров «По следам сенсации») или путям становления молодых ученых (сборник «Возраст познания»). Тем не менее, мы предприняли попытку тематической классификации, результаты которой представлены в таблице 5.

Таблица 5

Тематическое распределение книг серии «Эврика» в 1965—1976 гг.

Тематика	1965—1970	1971—1976	За весь период
Астрономия	1	2	3
Авиация и космонавтика	4	5	9
Автотранспорт	1	1	2
Электроника и радиосвязь	3	1	4
Физика	6	4	10
Химия	2		2
Математика	6	2	8
Биологические науки	15	13	28
Сельское и лесное хозяйство	4	3	7
Медицина	4	1	5
Психология	3	7	10
Информатика и кибернетика	4	4	8
Экономика и статистика	1	1	2
Демография		1	1
Футурология		1	1
История и археология	3	4	7
Литературоведение, фольклористика, топонимика	4	3	7
Философия		1	1
Журналистика	1		1
Методология и история науки	4	3	7
Геология, география, океанология	5		5
Криминалистика	1		1
Универсальные ежегодники «Эврика»	6	8	14
Тематические сборники			
«Спутник молодого рабочего»		2	2
«Спутник сельской молодежи»		2	2
«Возраст познания» и «Формула творчества»		2	2
Для молодых изобретателей	2		2
Юмористические		1	1
<i>Всего</i>	<i>80</i>	<i>72</i>	<i>152</i>

Эти данные приводят к неожиданному результату. Эпоха 1960-х гг. считается периодом повышенного интереса к естественным, точным и техническим дисциплинам, таким как математика, физика, кибернетика, ракетостроение и др. Стержнем культурной жизни этих лет был спор между «физиками и лириками». Большинство же книг «Эврики» были посвящены биологической тематике — 28, это почти пятая часть всех изданий. И только второе место физика делит с психологией: по 10 публикаций из 152. Такой результат можно объяснить двумя причинами. Во-первых, сыграл свою роль субъективный фактор: среди авторов книжной серии оказались весьма плодовитые популяризаторы-биологи, такие как, например, И. И. Акимушкин, писавший по зоологической тематике. Его перу принадлежат 8 книг, опубликованных в изучаемый период в «Эврике», включая два издания «Занимательной биологии» (1967, 1972) и пять томов «Мира животных», где каждый том представлял завершённую работу. И. И. Акимушкин продолжил сотрудничество с «Эврикой» и в последующие годы, так что его личный зачет в книжной серии стал много больше. Во-вторых, в десятилетие, предшествовавшее появлению «Эврики», книжный рынок был насыщен изданиями по атомной и квантовой физике, теории относительности, кибернетике, космонавтике. Поэтому создатели книжной серии, видимо, и не ставили задачу приоритетной популяризации данной тематики.

Тем не менее, широта охвата впечатляет. В «Эврике» нашли отражение практически все области человеческого знания. Среди книг серии есть даже юмористический сборник «Несерьезные Архимеды», подготовленный писателем Ф. Д. Кривиним.

Обращает на себя внимание преобладание публикаций по фундаментальной научной тематике. Количество книг по прикладным дисциплинам сравнительно невелико. Временный успех имели попытки авторов серии организовать выпуск ежегодников с практическими советами для молодых изобретателей, рабочих, сельской молодежи. В отличие от универсальных ежегодников «Эврика», непрерывно выходивших с 1963 г., появились всего два издания сборника для изобретателей, затем эта

тематика почти исчезла, если не считать публикацию книги Н. Т. Петровича «Беседы об изобретательстве» (1978). Также было выпущено всего два «Спутника молодого рабочего» и три сборника по практическим проблемам сельского хозяйства: «Золотой опыт» (1968) и два выпуска «Спутника сельской молодежи» (1973, 1975). Даже такая актуальная и злободневная для изучаемого периода тема, как автомобилестроение, была представлена всего двумя книгами, причем принадлежавшими перу одного автора — уже упоминавшегося конструктора и технического дизайнера Ю. А. Долматовского. Исчезновение из книжной серии изданий, ориентированных на рабочую или сельскую аудиторию, приводит к выводу, что основным потребителем «Эврики» была советская интеллигенция.

Работ по общественным и гуманитарным предметам мало. Если рассмотреть исторический раздел «Эврики», то он представлен книгами, посвященными тайнам первобытной истории и древним цивилизациям. Среди них два издания работы Н. Я. Эйдельмана «Ищу предка» о проблемах исторической антропологии, два издания работы В. А. Кузьмищева «Тайна жрецов маяя». Отсутствие книг по современной истории сыграло скорее положительную роль: книжную серию миновали неизбежные в данном случае идеологизация и партийный догматизм.

Конечно, наиболее простым логическим приемом было бы провести прямую связь между тематическим охватом «Эврики» и теми проблемами, которые интересовали в то время читающую публику, прежде всего интеллигенцию, студенчество, старших школьников. Но это был бы во многом некорректный подход. «Эврика», несмотря на свою востребованность, не была единственной научно-популярной серией. Кроме того, в советском книгоиздательстве, как и в других отраслях экономики, господствовал «диктат производителя». Ассортимент книжных магазинов зависел в основном не от того, что покупали, а от того, что предлагали издательства. Поэтому наиболее логичным было бы привести статистику по переизданиям (табл. 6). Нам представляется, что издательства, ставя в план повторную публикацию, должны были учитывать читательский спрос на предыдущее издание.

Повторные издания книг серии «Эврика» в 1965—1976 гг.

Тематика	Количество
Авиация и космонавтика	3
Электроника и радиосвязь	2
Химия	1
Математика	3
Биологические науки	5
Сельское и лесное хозяйство	2
Медицина	1
Психология	4
Экономика и статистика	1
История и археология	2
Литературоведение, фольклористика, топонимика	3
Методология и история науки	2
Геология, география, океанология	1
Универсальные ежегодники «Эврика»	2
Сборники для молодых изобретателей	1
<i>Всего</i>	33

Количество переизданий составляет примерно пятую часть из всего объема печатной продукции. На первом месте опять книги по биологической проблематике, хотя они лидируют с минимальным перевесом над изданиями другой тематики. Примечательно, что повторных переизданий удостоились даже два ежегодника за 1973 и 1974 гг., что для такого рода дайджестов уникальное явление.

Следует заметить, что в книжной серии есть издания, которые будучи по форме научно-художественными книгами, по содержанию представляют собой воспоминания или автобиографические повести. В этом ряду можно назвать сборник автобиографических повестей летчика-испытателя М. Л. Галлая «Через невидимые барьеры» и «Испытано в небе», вышедших под одной обложкой в 1969 г.; книгу конструктора-ракетчика А. Иванова (О. Г. Ивановского) «Первые ступени» (1970); воспоминания

знаменитого врача-кардиолога Н. М. Амосова «Мысли и сердце» (1969) и некоторые другие. Отдельные личные воспоминания присутствуют и у других авторов, например в книге автомобильного конструктора и дизайнера Ю. А. Долматовского «Мне нужен автомобиль» (1967). Все эти публикации вполне могут быть использованы, с соблюдением соответствующей процедуры внешней и внутренней критики, как исторический источник личного происхождения.

Обращает на себя внимание практически полное отсутствие в книжной серии «Эврика» публикаций по паранаучной тематике. С рубежа 1950—60-х гг. в СССР активно печатались статьи и книги, посвященные внеземному разуму, Атлантиде, «снежному человеку», Бермудскому треугольнику и другим сенсационным темам. В этом плане «Эврика» отличается невосприимчивостью к паранауке. В изучаемый период фактически только одна публикация была посвящена контактам с инопланетными цивилизациями. Это работа Н. Т. Петровича «Кто вы?», вышедшая двумя изданиями в 1970 и 1974 гг. Она в большей степени рассказывает о проблемах организации межзвездной радиосвязи, чем о самих инопланетянах. Несомненно, здесь мы имеем дело с целенаправленной редакционной политикой. «Эврика» использовалась как инструмент противодействия паранауке. Эту задачу решали книги Л. В. Боброва «По следам сенсаций», «В поисках чуда» и А. И. Китайгородского «Реникса». Название последней заимствовано из пьесы А. П. Чехова «Три сестры», где семинарист прочитал русское слово «чепуха» в латинской транслитерации как «гепуха».

Анализируя публикации «Эврики», можно заметить еще одну особенность. Во второй половине 1960-х гг. усиливается охранительный характер советской цензуры, в область умолчания уходят такие эпизоды недавней советской истории, как культ личности, политические репрессии, идеологические кампании конца 1940-х гг., преследования генетиков и кибернетиков. Конечно, авторы не сразу приняли правила игры, до начала 1970-х гг. цензурным и партийным органам приходилось останавливать публикации с «крамольной» информацией. Авторский и редакторский коллектив «Эврики» сопротивлялся этому процессу до рубежа 1960—70-х гг. Так, советский физик А. И. Китайгородский вспоминал об идеологических кампаниях конца 1940-х гг., о деятельности

Т. Д. Лысенко и о пропаганде в те годы сомнительного учения О. Б. Лепешинской про самозарождение живых клеток из биологической протоплазмы⁵.

В книге В. Д. Крупина «Так начиналось» (1968) говорится о противодействии генетическим исследованиям в СССР⁶, хотя автор не решился назвать имена Т. Д. Лысенко, И. И. Презента и других гонителей и вынужден был умолчать о трагической судьбе Н. И. Вавилова, оговорившись, что в его школьных учебниках имени ученого не было (В. Д. Крупин заканчивал школу во второй половине 1940-х гг.)⁷. В этой книге содержится подтверждение, что даже после гибели в тюрьме Н. И. Вавилов не был фигурой умолчания. Автор этих строк уже писал, что имя ученого-генетика присутствует в завершающем томе первого издания «Большой советской энциклопедии» (1947 г.)⁸. В. Д. Крупин назвал книгу академика Л. С. Берга, вышедшую к юбилею Всесоюзного географического общества в 1945 г. тиражом в 5 тыс. экземпляров, в которой часть строк была посвящена Н. И. Вавилову как прежнему президенту общества⁹.

Наиболее откровенный характер носили автобиографические повести М. Л. Галлая «Через невидимые барьеры» и «Испытано в небе». Он вспоминал о репрессиях в советской авиации и том, как В. П. Чкалов, используя свой авторитет, вызволял арестованных из НКВД¹⁰. Летчик-испытатель описывал, как сам стал жертвой антисемитской кампании конца 1940-х гг.¹¹ В книге «Испытано в небе» есть эпизод о встрече М. Л. Галлая с С. П. Королевым, которая произошла на подмосковном аэродроме в годы войны, когда будущий конструктор космических аппаратов находился в заключении в спецКБ или так называемой «шараге»¹². Правда, М. Л. Галлай в этой части так и не смог назвать имя С. П. Королева и вывел его как некоего безымянного «Главного Конструктора».

В некоторых книгах серии раскрываются специфические методы организации советской науки. Например, советский конструктор и дизайнер Ю. А. Долматовский в книге «Мне нужен автомобиль» достаточно подробно описывал практику технических заимствований в автомобилестроении и ее негативное влияние. В приведенном им эпизоде речь идет о воспроизводстве на советской технологической базе микроавтомобиля «Фиат-600», который послужил основой для «Запорожца-965», оказавшегося

морально устаревшим к моменту запуска в серию¹³. Причем Ю. А. Долматовский возлагал вину на конкретных людей, включая «дедушку» советского автостроения А. А. Липгарта*, что было довольно смело по тем временам¹⁴.

В отдельных изданиях «Эврики» можно встретить и другие примеры, характеризовавшие советскую научную и техническую политику с негативной стороны. Уже упоминавшийся М. Л. Галлай рассказывал об эпизоде с авиаконструктором Сильванским, который, благодаря своим семейным связям с наркомом авиационной промышленности М. Л. Кагановичем, возглавил авиационное КБ, но затем со скандалом провалил государственное задание. Только М. Л. Галлай именуется его как «авиаконструктор С.»¹⁵. Ю. А. Долматовский вспоминал о конфликте молодых конструкторов с крупным советским администратором. Хотя автор деликатно не назвал его фамилии, видимо речь идет о И. А. Лихачеве, директоре московского автозавода имени Сталина. Накануне войны он пытался заблокировать перспективную разработку, исходя из своих личных соображений («это был человек крайне своенравный», характеризовал его Долматовский)¹⁶.

В первой половине 1970-х гг. цензурный прессинг все-таки дожал и книги серии «Эврика»: критические моменты на их страницах становятся все более редкими.

Заключительные положения. Книжная серия «Эврика» была результатом творческой деятельности большого авторского и редакторского коллектива. Ученые-популяризаторы, печатавшиеся в этой серии, в подавляющем большинстве обладали соответствующей квалификацией. Об этом свидетельствует анализ биографических данных авторов. Преобладание ученых степеней и званий, членство в творческих союзах (у некоторых присутвовали оба параметра), столичное образование позволяли ожидать появления качественного научного продукта.

Укажем следующие аспекты источниковой значимости книг серии «Эврика» в период 1965—1976 гг.

* Липгарт Андрей Александрович (1898—1980), один из создателей советской автомобильной промышленности, в 1930—50-х гг. — главный конструктор Горьковского автозавода (ГАЗ), затем профессор МВТУ и зам. директора Научного автомобильного института (НАМИ).

Во-первых, они дают представление о развитии научно-художественной книги как явления книгоиздательского дела. Можно увидеть, как за такой недолгий период менялись форма и содержание изданий — как редакторы искали более удачную форму, как на содержании отражались цензурные требования. Особенно это заметно при сравнении книг одних и тех же авторов, например публикаций Ю. А. Долматовского «Мне нужен автомобиль» (1967) и «Беседы об автомобиле» (1976). Первая книга основана в большей степени на личных воспоминаниях автора, на его критических отзывах как об отдельных аспектах развития советского автопрома, так и о конкретных администраторах и конструкторах. Вторая книга более академична, несмотря на форму диалога (вопросы в начале глав и пространные ответы на них), более лапидарна и лишена критической остроты. Различия есть даже в разных изданиях одной книги. Но данный аспект исследования выходит за рамки предметного поля интеллигентоведения и относится в большей степени к книговедению.

Во-вторых, некоторые издания «Эврики» могут быть использованы как классические мемуары. Это касается уже упоминавшихся автобиографических повестей М. Л. Галлая, О. Г. Ивановского, Н. М. Амосова. Учитывая их публицистический стиль, отрывочные личные воспоминания присутствуют в значительной части книг. Про Ю. А. Долматовского мы уже писали. В. Д. Крупин вспоминал о своей встрече с С. И. Вавиловым, о том, как он задал академику вопрос о брате-генетике и об ответной реакции¹⁷.

В-третьих, книги «Эврики» позволяют сделать определенный вывод о настроениях советской интеллигенции, по крайней мере, отдельных ее групп, например столичных научных работников. Конечно, здесь следует учитывать как предписания официальной пропаганды, так и прессинг политической цензуры. Например, сборник «Заглянем в будущее» (1974) содержит точки зрения советской науки на мир близкого будущего. Его подробный анализ требует отдельной публикации. Но даже беглый взгляд показывает, что футуристические проекты советской интеллигенции развивались в парадигме индустриального общества, в книге значительное место уделено именно развитию производства, энергетики, транспорта. Проблемам информационной среды посвящено только 44 страницы из 250. Конечно, и в части

производства много места уделено цифровой автоматизации и роботизации, но они рассматриваются только как дополнение к станкам-конвейерам, без учета неизбежных социальных и структурных трансформаций.

В-четвертых, тематический охват книг серии «Эврика» позволяет сделать выводы и о предпочтениях советской читающей публики в 1965—1976 гг. Выше уже отмечалось преобладание биологической тематики. В исторической тематике заметен интерес к тайнам исторической антропологии или к древним цивилизациям. Конечно, следует учесть, что в те годы ассортимент книжных магазинов в большей степени определялся предложением, чем спросом: ввиду отсутствия выбора читатель покупал то, что предлагали издательства. Можно представить, как изменился бы тематический диапазон популярной литературы, если бы в те годы можно было открыто писать о периоде культа личности или политических репрессиях.

Примечания

- ¹ *Комиссаров В. В.* Интеллигенция, цензура и научно-популярная публицистика в СССР в 1960—80-е годы // *Интеллигенция и мир.* 2017. № 3. С. 33—52.
- ² *Эврика, 1965—1976* : каталог. М., 1977. С. 3.
- ³ *Иванов А.* Первые ступени. М., 1970.
- ⁴ *Ганичев В. Н.* «Молодая гвардия», 1968—1978 : из воспоминаний // URL.: http://moskvam.ru/publications/publication_963.html (дата обращения: 02.12.2017).
- ⁵ *Китайгородский А. И.* Реникса. М., 1967. С. 122—134.
- ⁶ *Крупин В. Д.* Так начиналось. М., 1968. С. 95—98.
- ⁷ Там же. С. 44.
- ⁸ *Комиссаров В. В.* Указ. соч. С. 42.
- ⁹ *Крупин В. Д.* Указ. соч. С. 44—45.
- ¹⁰ *Галлай М. Л.* Через невидимые барьеры. Испытано в небе. М., 1969. С. 47—48, 205.
- ¹¹ Там же. С. 437—444.
- ¹² Там же. С. 211—213.
- ¹³ *Долматовский Ю. А.* Мне нужен автомобиль. М., 1967. С. 12—16.
- ¹⁴ Там же. С. 195—196.
- ¹⁵ *Галлай М. Л.* Указ. соч. С. 385—391.
- ¹⁶ *Долматовский Ю. А.* Указ. соч. С. 29—31.
- ¹⁷ *Крупин В. Д.* Указ. соч. С. 46.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)53-283.2

С. Р. Глазунов

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ: И. И. ЯНЖУЛ И РЕФОРМА ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 1882—1914 ГОДЫ

Индустриальная революция, в полном объеме развернувшаяся в России во второй половине XIX в., привела к экономической и социальной трансформации российского общества, создав базовые предпосылки для выделения интеллигенции в особый социальный слой. Усложняющиеся в условиях модернизации задачи государственного строительства требовали все более квалифицированных кадров. В формировании профессиональных групп трудовой интеллигенции, деятельности ученых, врачей, экономистов, инженеров, педагогов, людей искусства, необходимо связанных с интеллектуальным трудом, реализовался процесс общественно-политического и культурного развития страны¹. Либерализм, ранее находивший свое выражение преимущественно в интеллектуальной сфере, в эпоху Великих реформ 1860—70-х гг. становится важным фактором всей общественно-политической жизни общества. Либеральная интеллигенция, вкладывая свой труд и знания в материальное и духовное развитие страны, считала, что «совершенствования общества и облегчения

© Глазунов С. Р., 2018

Глазунов Сергей Радиславович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (ВлГУ). sergynglaz@mail.ru

положения народа нужно добиваться посредством постепенных реформ и нововведений»². Ярким представителем российской интеллигенции пореформенного периода, стоявшим на либеральных позициях, являлся известный экономист, публицист, профессор Московского университета, академик Петербургской академии наук Иван Иванович Янжул (1846—1914).

Современники И. И. Янжула — авторы биографических статей в выходявших до революции 1917 г. энциклопедиях Л. З. Слонимский³ и И. Х. Озеров⁴ — высоко оценивали его научные работы по финансовому праву и разнообразную деятельность на ниве науки, образования и фабричной инспекции. В советской научной литературе поднималась тема приверженности буржуазного профессора к идеям «государственного социализма», но с критических позиций, как имевших буржуазное содержание⁵, отмечались его заслуги в «создании буржуазной финансовой науки»⁶. В современной историографии он рассматривается как экономист мирового уровня⁷, яркий представитель общественно-экономической мысли России⁸, автор фундаментальных исследований по экономической истории⁹, видный деятель российского образования¹⁰.

Однако деятельное участие И. И. Янжула в либеральных преобразованиях последней четверти XIX — начала XX в. не получило специальной разработки в исследовательской литературе. Вместе с тем он на протяжении своей жизни обращался к рабочему вопросу, которому суждено было отразиться на всем будущем России, и всеми силами способствовал мирному его разрешению путем введения законодательства по всестороннему развитию и улучшению положения наемных рабочих и предупреждению их столкновений с предпринимателями. Сегодня было бы небезынтересно на основе анализа разносторонней деятельности И. И. Янжула оценить его вклад в дело реализации реформы фабричного законодательства с целью выяснения роли либеральной российской интеллигенции в становлении в стране гражданского общества. При исследовании этой проблемы использованы научные труды И. И. Янжула по истории фабричного законодательства, широкий круг материалов официального делопроизводства, в том числе опубликованные отчеты фабричных инспекторов, а также статистика и мемуарная литература.

Происходившие в пореформенной России перемены порождали интерес к крепнущему рабочему сословию со стороны либеральной печати, обращавшей внимание на тяжелое социально-экономическое положение промышленного пролетариата, и требовали принятия законодательных мер со стороны власти для утверждения его положения в системе социальной стратификации российского общества. Все это создавало объективные предпосылки для проведения преобразований в сфере фабрично-заводского труда. В результате одновременного издания ряда законов на правовой основе были регламентированы такие аспекты трудовых отношений в крупной промышленности, как условия работы детей (1882, 1884, 1890), женщин и подростков (1885, 1890), заключение трудового договора, регламентация заработной платы и штрафов с рабочих (1886), продолжительность рабочего дня (1897), социальное страхование (1903, 1912). Институт фабричных инспекторов, учрежденный в 1882 г. как орган государственной охраны труда малолетних рабочих, в дальнейшем был ангажирован правительственной властью на роль арбитра в урегулировании трудовых отношений в России, осуществлял надзор за исполнением фабричного законодательства, статистические обследования промышленности и технический контроль. И. И. Янжул к этим нововведениям имел самое прямое отношение.

К началу проведения реформы фабричного законодательства в 1880-х гг. И. И. Янжул был уже ученым-экономистом с мировым именем и приобрел известность в промышленных кругах. Он участвовал в деятельности комиссии по осмотру фабрик и заводов в Москве, созданной по инициативе Московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова во главе с секретарем городского статистического комитета М. А. Саблиным. В «Трудах» комиссии был опубликован подготовленный с пояснениями Янжула перевод английских фабричных законов, а также его исследование о фабричной инспекции в Англии и Швейцарии¹¹.

Летом 1882 г. во время Всероссийской мануфактурной и художественной выставки Е. Н. Андреев, который планировался на должность Главного фабричного инспектора, предложил И. И. Янжулу занять место фабричного инспектора одного из административных округов. Университетский профессор принял приглашение, как он сам выразился, «с целью... принести

посильную пользу благому предназначению правительства»¹². Он был утвержден «в должности инспектора над занятиями малолетних рабочих» Московского округа 30 августа 1882 г.¹³

Приобретая в условиях модернизации российского общества позитивную, устойчивую социальную роль, либеральная интеллигенция, отличавшаяся своими прогрессивными политико-правовыми убеждениями, была призвана решать кадровые проблемы и практические задачи нового правительственного учреждения. И. И. Янжул олицетворял собой «первый призыв» фабричных инспекторов, формировавшихся главным образом из представителей профессиональной интеллигенции, придерживавшихся либеральных взглядов. Современники возлагали на них большие надежды по изменению всей фабричной жизни в России, сравнивая их по значимости с первым составом мировых посредников¹⁴.

Первый опыт деятельности инспекторов на начальном этапе проведения фабричной реформы нашел отражение в опубликованных отчетах, составление которых пришлось на 1882—1883 гг. Особого внимания общественности удостоились напечатанные в 1884 г. отчеты окружных фабричных инспекторов П. А. Пескова и И. И. Янжула¹⁵.

Закон 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах»¹⁶ вместе с созданием фабричной инспекции устанавливал запрет на использование детского труда до 12 лет, для детей 12—15 лет ограничивал время работы восемью часами в день и обязывал предпринимателей предоставлять малолетним рабочим условия для получения начального образования.

Вступление его в силу, как вспоминал впоследствии И. И. Янжул, откладывалось¹⁷, и в первые два года работы основным содержанием деятельности фабричных инспекторов был сбор и обработка сведений о фабриках и заводах вверенного им округа. Московский профессор, по роду своей профессиональной деятельности занимавшийся интеллектуальным трудом, как никто другой имел опыт подобной работы и великолепно справился с этой задачей.

Окружной фабричный инспектор И. И. Янжул за первый год своей деятельности с сентября 1882 г. по ноябрь 1883 г. собрал и сгруппировал богатый статистический материал

о 174 предприятиях Московской губернии¹⁸. Представленный текст не только содержал сведения о малолетних, но и характеристику положения всех категорий рабочих, а также включал некоторые сведения о промышленном производстве осмотренного района. В нем говорилось о бесправии рабочих, их скудной заработной плате, уменьшаемой, с одной стороны, произвольными вычетами и штрафами, с другой стороны, эксплуатацией фабричных лавок и ростовщичеством артельных старост. Отмечались такие минусы, как антисанитария в фабричных корпусах, недостаточное ограждение рабочих мест, чреватое травматизмом, слабое развитие социальной инфраструктуры. Будучи человеком передовых взглядов, Янжул понимал, что собранные им сведения, которые доставлялись в Департамент торговли и мануфактур, могли быть «небесполезны для тех или иных будущих мероприятий по отношению к фабрикам и заводам»¹⁹.

Адвокат, публицист и литературный критик К. К. Арсеньев, возглавлявший в «Вестнике Европы» разделы «Внутреннее обозрение» и «Литературное обозрение» и фактически определявший в тот период его идейное (либеральное) направление²⁰, оставил на публикацию отчета в ноябрьском номере журнала за 1884 г. восторженный отклик. Автор рецензии отмечал, что составленная из собранного Янжулом материала картина условий труда и быта рабочих приобретала большое значение в свете решения проблем, обозначенных в законе 1 июня 1882 г., «доказывала настоятельную его необходимость, констатировала принесенные им плоды, устраняла опасения и ложные страхи противников реформы»²¹.

В подготовленном И. И. Янжулом отчете не только был дан ряд любопытных и важных наблюдений о положении рабочих и предложений по поводу применения изданного закона, но и представлен богатый статистический и аналитический материал для дальнейшей разработки фабричного законодательства. Вводная часть отчета, отразившего успехи и неудачи введения в действие первого закона о фабричном труде, являлась важным живым свидетельством начала проведения реформы фабричного законодательства в России, воспроизведенным автором с либеральных позиций.

Тема фабричной реформы и роли в ее проведении в жизнь И. И. Янжула получила отражение на страницах того же номера

журнала «Вестник Европы» за 1884 г. в разделе «Литературное обозрение». В нем был представлен разбор К. К. Арсеньевым²² вышедших из печати в 1884 г. «Очерков и исследований» — двухтомного сборника статей московского профессора по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства²³.

Известный специалист по экономической истории И. И. Янжул и до своего призыва в фабричную инспекцию постоянно интересовался темой фабричного законодательства, выступал сторонником либеральных преобразований в сфере трудовых отношений в промышленности. В публичных выступлениях перед аудиторией, на страницах центральных газет и журналов он не раз обращался к сюжетам, связанным с фабричной реформой и необходимостью ее проведения в России, которые затем как отдельные статьи вошли в изданный сборник его трудов.

В исследовании «Детский и женский труд в Англии и России»²⁴, которое первоначально было напечатано в трех номерах «Отечественных записок» за 1880 г.²⁵, И. И. Янжул обращает внимание читающей публики на то, что в разрешении рабочего вопроса «нельзя обойтись без разумно устроенной общегосударственной регламентации». Побуждая правительство к проявлению инициативы в издании соответствующих законов, он отмечал, что в России «только государство может установить и регулировать с должным беспристрастием взаимные отношения рабочих и предпринимателей и завести тот порядок, который наиболее желателен в интересах целой страны»²⁶.

Автор сравнивает статистические показатели интенсивности труда английского и русского рабочих, взятые им из донесения мистера Эджертона, секретаря английского посольства в России, парламенту своей страны. В этом документе было указано, что «в то время как в Англии прядильщик при мюльной машине со своим помощником справляется с 2000 веретен, в России — он никогда не может справиться более нежели с 1000 веретен, вообще же только с 500. Точно также в ткацких мануфактурах русский рабочий редко справляется более с чем с двумя станками, тогда как англичанин часто надзирает за шестью»²⁷. Столь значительная разница в производительности труда работников объяснялась скудным питанием и неудовлетворительными условиями

труда на российских промышленных предприятиях, которые нуждались в кардинальных улучшениях.

Говоря в 1880 г. о крайней необходимости либеральной реформы фабричного законодательства, как бы предвещая скорое ее начало в 1882 г., И. И. Янжул заключает: «Пора, наконец, нам обратить серьезное внимание на положение наших фабрик и позаботиться об устранении вредных последствий, проистекающих от сих пор пассивного к ним отношения. Пора понять, что интересы многих сотен тысяч людей в нынешнем и миллионов — в будущем поколении заслуживают полнейшего внимания. Пора, наконец, не ограничиваться одним лишь составлением проектов, а привести в действие хотя бы частицу тех благих намерений, которыми лишь до сих пор мы довольствовались»²⁸.

В статье «Кто отвечает за несчастие с рабочими»²⁹ И. И. Янжул, задолго до появления в России первого закона о страховании 2 июня 1903 г.³⁰, обратил внимание власти и общества к проблеме помощи рабочим, потерпевшим от несчастных случаев, в рамках обсуждения инициативы, выдвинутой по этому вопросу московскими фабрикантами³¹.

Владельцы фабрик и заводов Центрального промышленного района при содействии Московского биржевого комитета 13 октября 1881 г. выступили с предложением об установлении с предприятий ежегодного сбора на обеспечение пособиями рабочих, получивших увечья в результате несчастных случаев на производстве, а также учреждении особого фонда из средств, собранных промышленниками по подписке³².

В Российской империи, по самым скромным подсчетам И. И. Янжула, число потерпевших от несчастных случаев на фабриках страны насчитывало не менее 5 тыс. человек в год³³, и, следовательно, необходимые средства для помощи пострадавшим должны были составлять «многие десятки, если не сотни тысяч»³⁴. Он сомневался, что совершаемый с одобрения господ фабрикантов и заводчиков сбор мог быть «настолько значителен, чтобы серьезно удовлетворить своей цели» и обеспечить пострадавших от несчастных случаев рабочих³⁵.

И. И. Янжул был уверен, что прежде чем решать организационный вопрос о пособиях рабочим, пострадавшим от несчастных случаев, и их семьям, необходимо позаботиться, во-первых,

«об установлении сколько-нибудь правильного фабричного законодательства и надзора за фабриками»³⁶ и, во-вторых, «строго определенного и точно соблюдаемого специального закона о материальной ответственности хозяев всех промышленных предприятий»³⁷.

Тяжелый груз ужасающей статистики человеческих гека-томб, приносимых промышленности, не мог оставить равнодушной российскую либеральную интеллигенцию, побуждал к поиску способов, чтобы противодействовать этому страшному злу. В целом И. И. Янжул придавал большое значение введению закона об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими, с помощью которого предполагалось «предохранить подрастающее поколение, работающее на фабриках, от преждевременной смерти и оберечь его силы на пользу государства»³⁸.

В сочинении «Женщины и матери на фабриках», которое сначала как лекция было прочитано 26 марта 1884 г. в Политехническом музее в рамках программы «Женских курсов» при 3-й Московской гимназии и напечатано в «Вестнике промышленности» в апреле 1884 г., И. И. Янжул рассматривает проблему улучшения условий труда рабочих в гендерном аспекте. Он не без основания считал, что на этот вопрос «глубокой важности... должно быть обращено серьезное внимание всего общества и государства»³⁹.

Автор говорил «о легкой и удобной для промышленников замене» в связи с усовершенствованием технологии производства «дорогого, а иногда и редкого мужского труда — трудом детским и женским», а также об увеличении доли и «весьма сильном возрастании» значения женского труда в важнейших отраслях фабрично-заводской промышленности. При этих обстоятельствах первостепенную значимость приобретали условия труда женщин-матерей⁴⁰.

Писатель-публицист подчеркивал, что работа в промышленности «наносит значительный вред здоровью как самих женщин, так жизнеспособности и физическому развитию их детей и, следовательно, интересам всех будущих поколений рабочего класса»⁴¹. В заключении он отметил, что в связи с появлением закона 1 июня 1882 г., ограничивающего работу малолетних, «в скором будущем значение... невыгодных условий положения

женщин на... фабриках должно увеличиться и обостриться еще более, а следовательно, пересмотр и пополнение... фабричного законодательства по отношению работы женщин становится настоятельно необходимым»⁴².

Сторонник введения охраны труда женщин-матерей, И. И. Янжул подталкивал правительство на издание вскоре вышедшего в 1885 г. либерального закона «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах»⁴³, запретившего с 9 вечера до 5 часов утра работу женщин и подростков до 17 лет на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках.

Статья «Промышленная статистика и фабричное законодательство»⁴⁴ сначала как реферат была прочитана в Статистическом отделении Юридического общества 24 января 1884 г. и в этом же году помещена в «Вестнике промышленности». В ней И. И. Янжул затрагивает вопрос о недостаточности и несовершенстве имевшейся на тот момент фабричной статистики, отмечая, что в области одной из самых важных отраслей народного хозяйства России — фабрично-заводской промышленности «сравнительно весьма мало сделано не только в смысле разработки, но даже самого собирания точных сведений»⁴⁵. Автор указывал на то, что полиция не справлялась в полной мере с возложенной на нее задачей сбора статистических сведений о фабриках и заводах. Полученные в основном от фабрикантов, они не отличались должной полнотой и точностью. Эта, по его компетентному мнению, далеко не легкая работа «требовала непременно личного участия и помощи исследователя»⁴⁶.

Ученый особо подчеркивал важность собирания статистических сведений, вполне обоснованно считая, что они могли быть интересны не только «по своему назначению для теории народного хозяйства в применении к условию русского быта», но и «по тем чисто практическим выводам, какие возможно из них сделать в применении к... будущему фабричному законодательству»⁴⁷. Исходя из этого, в опубликованной статье И. И. Янжул представил достаточно полную сводку статистических данных о возрасте малолетних рабочих по отдельным производствам, а также величине их рабочего дня и заработной платы, касающихся 158 преимущественно крупных фабрик Московской губернии⁴⁸.

Составляя такого рода статистику, он пытался выяснить, насколько фабриканты были обременены законом 1 июня 1882 г., который запрещал использовать труд детей до 12 лет, ограничивал рабочий день малолетних в возрасте до 15 лет восьмью часами, не разрешал им работу в ночное время, воскресные и праздничные дни. На основе собранных данных автор статьи пришел к заключению, что «все три главные положения нового закона 1 июня могли иметь сколько-нибудь значительную стеснительность» лишь для 5-6 из 24 различных видов производства⁴⁹.

Намечая дальнейшие шаги центральной власти по законодательному решению вопроса о величине рабочего дня, которые были реализованы ею только в 1897 г.⁵⁰, И. И. Янжул еще в 1884 г. не видел никаких оснований промышленникам «опасаться в этом отношении действия закона, даже если бы последовало сокращение времени для всех рабочих, а не одних малолетних»⁵¹.

Все сюжеты, вошедшие в «Очерки», были написаны на злобу дня и представляли собой подлинно научный подход к изучению реформы промышленного законодательства в России. Они не потеряли своей актуальности и при выходе в свет отдельного издания. В отзыве на двухтомник трудов известного московского профессора К. К. Арсеньев справедливо отмечал, что исследования И. И. Янжула «больше всего способствовали правильной постановке и поступательному движению в России рабочего вопроса». Обосновывая необходимость уже сделанного, они становились одновременно «программой того, что еще предстояло сделать»⁵². Так же высоко его научно-публицистические работы были оценены правительством, которое опиралось на них при дальнейшей разработке и проведении либеральных преобразований в сфере промышленного труда. Он вспоминал, что на аудиенции у Н. Х. Бунге, возглавлявшего финансовое ведомство, которое выступило инициатором введения фабричного законодательства в России, министр отметил: «Мне хорошо известны все Ваши труды по рабочему вопросу, и мы должны просить Вашего извинения, что, — как он выразился, — Вас несколько обообрали по этому предмету»⁵³.

12 июня 1884 г. был принят закон «О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, и о фабричной инспекции»⁵⁴, который добавил в круг обязанностей

фабричной инспекции надзор за организацией особых школ для получения рабочими школьного возраста начального образования. Также инспектора должны были следить за соблюдением закона 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах»⁵⁵, вступавшего в силу с 1 октября 1885 г. и запрещавшего ночную работу (т. е. с 21.00 до 5.00) женщин и подростков до 17 лет на текстильных предприятиях.

С введением новых законов расширяется штат инспекторов и происходит активизация деятельности фабричной инспекции. Каждодневная работа И. И. Янжула как фабричного инспектора состояла из разного рода важных сфер деятельности по надзору за фабриками и заводами, находившимися на контролируемой им территории. Он был обязан осуществлять надзор над исполнением фабричного законодательства и составлять протоколы по фактам нарушения установленных правовых норм, разбирать жалобы, принятые от рабочих и предпринимателей, разрешать возникшие между ними социальные конфликты. Кроме того, инспектор вел обширное делопроизводство, регистрируя и визируя множество документов, регламентирующих фабричную жизнь, составлял фабрично-заводскую статистику. Ему приходилось много разъезжать по разным делам и вновь возвращаться в часы приема в канцелярию, где его ждали посетители со своими просьбами и заявлениями. В общем, труд инспектора, согласно его штатным предписаниям, был очень непростым и требовал основательной теоретической подготовки, умения работы с людьми и навыка научной обработки данных. Профессор И. И. Янжул, безусловно, обладал всеми этими качествами в полной мере.

Результатом практической работы инспектората на новом этапе развития фабричной реформы стало опубликование в 1886 г. «Отчетов» 9 окружных инспекторов за 1885 г., а также первое сводное издание Главного инспектора Я. Т. Михайловского. И. И. Янжул свой отчет о деятельности в качестве фабричного инспектора Московского округа составлял в течение семи месяцев с середины апреля до конца ноября 1885 г. За это время в Тверской и Московской губерниях он обследовал 161 предприятие, где было занято рабочих обоего пола и разных возрастов в количестве 78 881⁵⁶.

В целом И. И. Янжул давал положительную оценку первым фабричным законам, считая, что их применение было в интересах рабочих и улучшало их положение на фабриках и заводах. Обращаясь в основном к законодательству о малолетних рабочих, он отмечал, что оно, сократив рабочий день и запретив использование детского труда в ночную смену, нисколько не повлекло за собой ухудшения их экономического благосостояния, как заблаговременно уверяли некоторые фабриканты. По его мнению, новый закон, напротив, «повышением производительности труда мог принести неисчислимую пользу для всей страны, не говоря уже о сохранении сил и здоровья подрастающего поколения»⁵⁷.

Несмотря на ряд конкретных критических замечаний, нацеленных на улучшение принятого законодательства⁵⁸, основываясь на годичном опыте по проведению в жизнь фабричного законодательства, инспектор Московского округа высказал глубокое убеждение в «полной возможности при известной настойчивости и достаточных силах инспекции применить его положения на практике». Вместе с тем он выражал уверенность, что изменения, коснувшиеся существенных сторон взаимоотношений хозяев и малолетних рабочих, на этом не останутся и будут «непрерывно развиваться и идти далее»⁵⁹.

Ожидания профессора И. И. Янжула относительно продолжения реформы фабричного законодательства полностью оправдались. 3 июня 1886 г. были изданы «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции»⁶⁰, которые современники называли 19 февраля для рабочих⁶¹, сравнивая этот акт по своей социальной значимости с отменой крепостного права в 1861 г. Они были выработаны комиссией под председательством товарища министра внутренних дел, сенатора В. К. Плеве, в которой ученый принял самое непосредственное участие⁶².

Применение закона 3 июня 1886 г. И. И. Янжул наблюдал как работник инспектората только одну треть года по причине последовавшей вскоре отставки. Он отмечал, что поначалу закон везде применялся очень плохо или совсем не применялся по причине отсутствия информации о нем, т. к. «Правила» на большинстве предприятий, подчиненных надзору, своевременно не были

разосланы. С началом активной деятельности фабричной инспекции к суду стали привлекаться лишь единицы из тысяч виновных в нарушении фабричного законодательства владельцев фабрик и заводов⁶³.

Проведение в жизнь фабричного законодательства шло нелегко, и И. И. Янжулу приходилось прилагать много сил, чтобы преодолевать сопротивление «гуманным предначертаниям правительства в фабричном деле и в самом введении закона и его распоряжений»⁶⁴.

Начало 1887 г. было очень беспокойным временем на фабриках и заводах, инспектору часто приходилось даже ночью заниматься крайне сложным, неприятным и трудным делом по прекращению забастовок, сопровождаемых беспорядками, погромами, разграблениями и драками⁶⁵. В конце концов, профессор начал тяготиться своей службой в инспекции, которая стала для него «нестерпимо тяжела и неприятна», нервничал, часто болел, даже вынужден был приобрести револьвер и постоянно носить его в кармане. Как по прошествии лет объяснил в своих воспоминаниях И. И. Янжул, он просто «не мог оставаться дольше на этой обязанности по физическим и по нравственным основаниям, иначе быстро, без пользы делу, свел бы себя в могилу!!!»⁶⁶.

В 1907 г. И. И. Янжул писал, что 30 августа 1882 г. он принял должность фабричного инспектора, «счастливым сознанием... принести посильную пользу своей работой новому симпатичному делу правительства», а 27 августа 1887 г. подал прошение об отставке, отработав, таким образом, в инспекции ровно пять лет⁶⁷.

Отойдя от активной деятельности по проведению в жизнь законов о фабричном труде, ученый продолжал внимательно следить за мероприятиями правительства в этой сфере. В первой книге своих мемуаров, вышедших в 1907 г.⁶⁸, он выступил в качестве историка реформы фабричного законодательства в России, поставив и рассмотрев основные вопросы по этой проблеме. По замыслу автора, воспоминания должны были «показать и научить, чего не надо делать, дабы не испортить и не затормозить великого дела фабричного законодательства и надзора»⁶⁹.

Первостепенную роль в решении рабочего вопроса в России и урегулировании отношений между трудом и капиталом

И. И. Янжул отводил государству. Признавая наличие и даже неизбежность в известных пределах борьбы между рабочими и капиталистами, он полагал, что многие из столкновений на почве их экономических интересов могли бы с огромной выгодой для страны быть разрешены мирным путем или предупреждены именно с помощью только вмешательства государства, посредством издания фабричного законодательства⁷⁰.

Большое значение в реализации фабричной реформы и в умиротворении противоборствующих сторон И. И. Янжул придавал фабричной инспекции, отводя ей важную роль «естественного посредника между рабочими и хозяевами в духе соглашения их интересов»⁷¹. Оценивая практическую работу фабричных инспекторов, он справедливо указывал на то, что при отсутствии у трудящихся масс России прав на проведение стачек и создание профессиональных организаций, они «своим вмешательством и порой мелочной опекой возмещали недостающие средства самостоятельности для охраны и защиты интересов рабочих»⁷².

Выступая с либеральных позиций, И. И. Янжул в целом дал критическую оценку реформам правительства в сфере фабричного труда и политики по рабочему вопросу. Он отмечал, что перемены следовали неоправданно быстрым шагом одна за другой и преобразования не были завершены, что явилось одной из причин произошедшей в начале XX в. революции. Определяя вектор развития фабрично-заводского законодательства в России, автор пришел к глубокому убеждению, что эти «реформы, начатые и легкомысленно брошенные или незаконченные... не только в действительности не принесли никакой пользы, но даже вызвали, наоборот, вредные последствия», с которыми позже пришлось считаться⁷³. Являясь живым свидетелем событий в России 1905—1907 гг., И. И. Янжул был убежден, что «хорошо задуманная и хорошо проведенная государственная и общественная реформа промышленного быта и отношений промышленных классов... ослабила бы все зло продолжительной смуты и революционного периода нашей русской жизни»⁷⁴.

В «Воспоминаниях», опубликованных в 1910—1911 гг.⁷⁵, И. И. Янжул затронул проблему реформ и революции. Ученый считал революцию катастрофой для страны ввиду разнообразного и трудно поправимого зла, которое она может принести

России, и призывал «всячески бороться и противодействовать этому течению»⁷⁶.

Раскрывая причины, питавшие революционное настроение российского общества, И. И. Янжул обращает свое внимание на крайне несовершенную в России «постановку некоторых отдельных сторон государственного быта», в частности фабрично-рабочего вопроса, который он сравнивал с «естественным питомником... частой смуты и недовольства»⁷⁷.

Закону 1886 г. и другим последовавшим за ним законодательным актам, которые обеспечили рабочему классу ряд существенных прав, И. И. Янжул придавал большое значение, но этого, по его мнению, было уже слишком мало. Он призывал правительство идти дальше и завершить начатое дело переустройства всего фабрично-рабочего быта. Ему представлялось, что если бы рабочие в России до 1905 г. «получили действительно некоторые права, им желательные, союзов, сговоров и т. п., то это явилось бы в значительной степени предохранительным клапаном против крайних требований их последующего революционного настроения и способствовало бы более мирному ходу и решению... рабочего вопроса»⁷⁸ (курсив мой. — С. Г.).

С появлением и заметным ростом в индустриальной России общественных классов промышленных рабочих и капиталистов, от которых во многом зависело развитие страны, устремления государства и либеральной интеллигенции во многом были направлены на урегулирование трудовых отношений в промышленности и установление благоприятных условий мирного сосуществования противоборствующих сторон. Центральной властью была инициирована реформа фабричного законодательства, которое за тридцать лет, с 1882 по 1912 г., совершило известный путь в своем развитии в направлении, начатом программой Великих реформ, и И. И. Янжул принимал самое непосредственное и деятельное участие в этом преобразовательном процессе.

Плодотворная деятельность московского профессора в рядах первого состава фабричной инспекции в 1882—1887 гг. на начальном этапе явилась примером и послужила фундаментом, на котором впоследствии строилась реформа. Ученый с особым вниманием следил за правовым положением рабочих и являлся одним из наиболее авторитетных экспертов в этой области. Он сделал

ценные критические замечания и высказал ряд существенных практических предложений по внесению в юное фабричное законодательство дополнений и уточнений, со знанием дела обозначив основные направления дальнейшего его реформирования. Противник всякой революции, сопровождающейся насилием и несущей разрушение, И. И. Янжул предпочитал мирное решение рабочего вопроса путем завершения преобразований, начатых законодательством 1880-х гг.

И. И. Янжул вложил свой труд и знания в дело реализации реформы фабричного законодательства в царской России. Его публикации определяли дореволюционную историографию в изучении этой проблемы. Многофункциональная и социально-значимая деятельность, высоконравственные качества и поступки, мировоззрение, сориентированное на следование идеям просвещения и прогресса, снискали ему достойное место в рядах российской либеральной интеллигенции, игравшей важную роль в модернизации дореволюционного российского общества и прилагавшей все усилия для успешной реализации стоявшей перед страной исторической задачи.

Примечания

- ¹ *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 320.
- ² *Меметов В. С., Расторгуев В. Н.* Интеллигенция // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 431.
- ³ *Слонимский Л. З.* Янжул // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1904. Т. 6. С. 51—67.
- ⁴ *Озеров И. Х.* Янжул // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1904. Т. XL1a (82). С. 667—669.
- ⁵ *Каратаев Н. К.* Теория «государственного социализма». И. И. Янжул // История русской экономической мысли. М., 1959. Т. 2 : Эпоха до-монополистического капитализма. Ч. 1. С. 149—166.
- ⁶ *Каратаев Н. К.* Экономические науки в Московском университете (1755—1955). М., 1956. С. 183—187.
- ⁷ *Жданов С. А.* Академик И. И. Янжул // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2010. № 1 (16). С. 281—290 ; *Розачевская М. А.* «В поисках лучшего будущего»: Иван Иванович Янжул

- (1846—1914) // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15, № 2. С. 371—398.
- ⁸ *Абалкин Л. И.* Очерки по истории российской социально-экономической мысли. М. ; Тамбов, 2009. С. 76—84 ; *Новиков М. Н.* История развития экономической мысли в России на рубеже XIX—XX веков. М., 2002. С. 77—84.
- ⁹ *Козырин А. Н.* Читая Янжула : (вступительная статья) // Золотые страницы финансового права / под ред. *А. Н. Козырина.* М., 2002. Т. 3. С. 5—14.
- ¹⁰ *Лицеров А. П., Страхов В. В. И. И.* Янжул: «Будет Россия образованна, будет и богата» // Педагогика. 2006. № 6. С. 95—99.
- ¹¹ Труды комиссии, учрежденной московским генерал-губернатором князем В. А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве. Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1 : Англия. Б. м., б. г. См.: *Слонимский Л. З.* Указ. соч. С. 56.
- ¹² *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии : отчет за 1882—1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними. СПб., 1884. С. 1.
- ¹³ *Обнинский П. Н.* Новый закон об организации фабричного надзора в Москве // Юридический вестник. 1887. Т. 24, кн. 1. Январь. С. 117.
- ¹⁴ *Песков П. А.* Фабричный быт Владимирской губернии : отчет за 1882—1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними. СПб., 1884 ; *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии.
- ¹⁵ Полное собрание законов Российской империи : собр. третье (далее — ПСЗ. Собр. III). Т. 2. СПб., 1886. № 931.
- ¹⁶ *Янжул И. И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. М., 2006. С. 216. Первое издание: *Янжул И. И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. : в 2 вып. СПб., 1910—1911. Далее сноски приводятся по изданию 2006 года.
- ¹⁷ *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии. С. IV.
- ¹⁸ Там же. С. XX.
- ¹⁹ *Троицкий Н. А.* Корифеи российской адвокатуры. М., 2006. С. 318.
- ²⁰ *Арсеньев К. К.* Отчет фабричного инспектора Московского округа // Вестник Европы. 1884. № 11. С. 373.
- ²¹ *Арсеньев К. К.* Очерки и исследования И. И. Янжула // Вестник Европы. 1884. № 11. С. 436—438.
- ²² *Янжул И. И.* Очерки и исследования : сб. ст. по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства : в 2 т. М., 1884.
- ²³ *Янжул И. И.* Детский и женский труд в Англии и России // Янжул И. И. Очерки и исследования. Т. 2. С. 1—212.

- ²⁵ Янжул И. И. Детский и женский труд в Англии и России // Отечественные записки. 1880. № 2. С. 427—458; № 3. С. 97—126; № 4. С. 425—474.
- ²⁶ Янжул И. И. Детский и женский труд в Англии и России // Янжул И. И. Очерки и исследования. Т. 2. С. 7.
- ²⁷ Там же. С. 207.
- ²⁸ Там же. С. 208.
- ²⁹ Янжул И. И. Кто отвечает за несчастье с рабочими // Янжул И. И. Очерки и исследования. Т. 2. С. 213—264.
- ³⁰ ПСЗ. Собр. III. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23060.
- ³¹ Впервые эта публикация появилась в журнале «Устой» за 1882 г. и частично была перепечатана в предисловии к вышедшему в этом году третьему выпуску «Трудов комиссии, учрежденной московским генерал-губернатором». См.: Янжул И. И. Очерки и исследования. Т. 2. С. 213.
- ³² Янжул И. И. Кто отвечает за несчастье с рабочими. С. 213—214.
- ³³ Там же. С. 224.
- ³⁴ Там же. С. 215.
- ³⁵ Там же. С. 216.
- ³⁶ Там же. С. 221.
- ³⁷ Там же. С. 230.
- ³⁸ Там же. С. 263.
- ³⁹ Янжул И. И. Женщины и матери на фабриках // Янжул И. И. Очерки и исследования. Т. 1. С. 392—393.
- ⁴⁰ Там же. С. 394.
- ⁴¹ Там же. С. 392.
- ⁴² Там же. С. 396—397.
- ⁴³ ПСЗ. Собр. III. Т. 5. СПб., 1887. № 3013.
- ⁴⁴ Янжул И. И. Промышленная статистика и фабричное законодательство // Янжул И. И. Очерки и исследования. Т. 2. С. 296.
- ⁴⁵ Там же. С. 296—297.
- ⁴⁶ Там же. С. 299—300.
- ⁴⁷ Там же. С. 300, 303.
- ⁴⁸ Там же. С. 300.
- ⁴⁹ Там же. С. 312.
- ⁵⁰ ПСЗ. Собр. III. Т. 17. СПб., 1900. № 14231.
- ⁵¹ Янжул И. И. Промышленная статистика... С. 325—326.
- ⁵² Арсеньев К. К. Очерки и исследования И. И. Янжула. С. 436.
- ⁵³ Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 28.

- ⁵⁴ ПСЗ. Собр. III. Т. 4. СПб., 1887. № 2316.
- ⁵⁵ ПСЗ. Собр. III. Т. 5. СПб., 1887. № 3013.
- ⁵⁶ *Янжул И. И.* Московский фабричный округ : отчет за 1885 г. фабричного инспектора Московского округа профессора И. И. Янжула. СПб., 1886. С. 5, 9.
- ⁵⁷ Там же. С. 64.
- ⁵⁸ См., напр.: Там же. С. 101—102, 108, 114.
- ⁵⁹ Там же. С. 118—119.
- ⁶⁰ ПСЗ. Собр. III. Т. 6. СПб., 1888. № 3769.
- ⁶¹ *Обнинский П. Н.* Указ соч. С. 115.
- ⁶² *Янжул И. И.* Воспоминания о пережитом и виденном... С. 223.
- ⁶³ Там же. С. 226.
- ⁶⁴ Там же. С. 229.
- ⁶⁵ *Янжул И. И.* Из воспоминаний и переписки... С. 203—204.
- ⁶⁶ *Янжул И. И.* Воспоминания о пережитом и виденном... С. 234.
- ⁶⁷ *Янжул И. И.* Из воспоминаний и переписки... С. 207—208.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. С. VIII.
- ⁷⁰ Там же. С. 7—8.
- ⁷¹ Там же. С. VI.
- ⁷² Там же. С. 17.
- ⁷³ Там же. С. 210. См. также: *Янжул И. И.* Воспоминания о пережитом и виденном... С. 233.
- ⁷⁴ *Янжул И. И.* Из воспоминаний и переписки... С. 209.
- ⁷⁵ *Янжул И. И.* Воспоминания о пережитом и виденном...
- ⁷⁶ Там же. С. 294—295.
- ⁷⁷ Там же. С. 289—290.
- ⁷⁸ Там же. С. 295, 312—313.

И. Д. Назаров

**НАЗАРОВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ:
ФИЛОСОФ, ПЕДАГОГ, ИНТЕЛЛИГЕНТ**

Трудно по достоинству оценить путь своего учителя, когда сам стоишь лишь в начале пути, но еще труднее не сказать ни единого слова о наставнике, который помог выбрать этот путь. Вспоминая Юрия Николаевича Назарова, неизбежно возникает образ человека-друга, постоянно борющегося с человеческой глупостью, лицемерием и безразличием. Личная и научная жизнь этого незаурядного ученого помогает

приоткрыть тайну появления на небосклоне отечественной науки феномена философа, педагога и интеллигента в одном лице.

Родился Ю. Н. Назаров 23 февраля 1941 года в провинциальном городке Гаврилов Посад, находящемся в самом сердце древней Ростово-Суздальской земли, носящей имя Владимирское Ополе. Его семья происходила из крестьян прихода Николаевской церкви села Жадинского Суздальского уезда Владимирской губернии. На протяжении всей жизни Юрий Николаевич вспоминал тяжелый и изнурительный крестьянский труд своей матери, знакомство с которым навсегда определило его профессиональный и жизненный путь.

Окончив в 1958 году Гавриловопосадскую среднюю школу с серебряной медалью, он, по стопам сестры и брата, поступает в Ивановский государственный педагогический институт им. Д. А. Фурманова на специальность «учитель русского языка

© Назаров И. Д., 2018

Назаров Илья Дмитриевич — кандидат философских наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет». nazarov_37@mail.ru

и литературы» с дополнительной специальностью «история». Образование давалось Юрию Николаевичу легко, учился он блестяще и уже в 1962 году получил самую престижную среди советского студенчества Ленинскую стипендию. Следует особенно отметить, что его однокурсниками были такие замечательные ученые, как доктор педагогических наук, профессор Тамара Николаевна Волкова, доктор филологических наук, профессор Леонид Николаевич Таганов, кандидат философских наук, доцент Борис Васильевич Плесский и др. До конца своих дней он поддерживал с ними теплые, дружеские отношения, внимательно следил за профессиональными успехами, помогал в сложных жизненных ситуациях.

В 1963 году Юрия Николаевича призывают в советскую армию, он служит во второй гвардейской мотострелковой Таманской ордена Октябрьской Революции Краснознаменной ордена Суворова дивизии имени М. И. Калинина. Окончив курсы подготовки офицерского состава, из армии он демобилизуется в звании лейтенанта и приступает к долгожданной преподавательской работе.

Начало педагогической карьеры Юрия Николаевича связано с городом Иваново, а точнее с Ивановским энергетическим институтом им. В. И. Ленина, в котором он работал на кафедре марксистско-ленинской философии и научного коммунизма. О периоде преподавания в ИЭИ у Юрия Николаевича остались самые теплые воспоминания, именно в это время сформировался первый круг его друзей-учеников, именно тогда он твердо решил связать свою научную жизнь с философией. Для реализации этой мечты в 1969 году он поступает в очную аспирантуру философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где занимается у выдающихся ученых своего времени. Особенно нравились ему лекции заслуженного профессора МГУ, доктора философских наук Василия Васильевича Соколова, крупного специалиста по истории зарубежной философии. Его книгу «Средневековая философия» (1979) Юрий Николаевич бережно хранил дома и рекомендовал для изучения своим аспирантам. Его научным руководителем был кандидат философских наук, профессор Илья Александрович Хлябич, который в период с 1967 по 1974 год работал на должности проректора по учебно-научной работе гуманитарных факультетов МГУ.

Окончив в свое время Высшую партийную школу и Академию общественных наук при ЦК КПСС, Илья Александрович имел солидную марксистско-ленинскую подготовку и работал над исследованием феномена научно-технической революции. В 1971 году на рассмотрение диссертационного совета философского факультета МГУ Юрий Николаевич представил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук «Научно-техническая революция и современный реформизм (критика теории второй промышленной революции СДПГ)». В ней он ставил задачу «обобщить имеющиеся в марксистской литературе взгляды на современную научно-техническую революцию и с марксистско-ленинских позиций вскрыть порочность реформистской концепции второй промышленной революции, претендующей на роль социальной теории XX века»¹. В заключении делался вывод о том, что «реформистская доктрина второй промышленной революции, претендующая на роль новейшей концепции общественного развития в условиях современного научно-технического прогресса, представляет собой тщетную попытку создания собственной “теории социальной революции” — теории, из которой изъят существенный элемент и главный признак социального переворота — революция политическая, осуществляемая классом, носителем новых производственных отношений, в союзе со всеми передовыми слоями общества. Несмотря на оригинальную фразеологию, теория второй промышленной революции восходит к классическим идеям реформизма о стихийном превращении капитализма в социализм и ставит своей целью разоружение рабочего класса путем отказа от борьбы за социалистическую революцию и диктатуру пролетариата»².

Данное научное исследование явилось большим шагом в осмыслении революции как важнейшего социально-политического феномена, являющегося ключевым импульсом для всестороннего развития человеческого общества. На его базе сформировались основные социально-философские взгляды Юрия Николаевича, нашедшие отражение в последующих научных исследованиях.

Ключевой работой³ Ю. Н. Назарова является теоретический очерк и учебно-методические материалы к спецкурсу под общим названием «Русское мировоззрение: мифология, идеология,

философия» (Шуя, 1999). В данной публикации по теории и истории культуры в научный оборот вводится новая концепция мировоззрения, применяемая для анализа русского национального мировоззрения как целостного культурно-исторического образования, существующего на протяжении тысячелетий. Юрий Николаевич пишет: «Итак, мировоззрение представляет собой системное образование человеческой психики. С точки зрения гносеологии оно есть специфическая форма целостного отражения действительности в сознании того или иного социального субъекта. Функцией мировоззрения является выработка наиболее общего отношения человека — индивида, социальной группы, народа — к окружающему миру»⁴. Осмысляя проблему мировоззрения в контексте культуры, автор опирается на многочисленные труды выдающихся представителей зарубежной и отечественной мысли. Данная работа адресована широчайшему кругу читателей, каждый из которых найдет в ней ценнейшую информацию по культурологии, истории философии и истории русской культуры.

Исследование проблематики социальных революций невозможно без изучения вопроса о разуме как движущей революционной силе и людях, использующих его в качестве основного инструмента технико-экономических, духовно-идеологических и политических преобразований, — интеллигентах. Именно поэтому, в 2002 году, Юрий Николаевич вместе со своим коллегой, кандидатом исторических наук Владимиром Владимировичем Возиловым издают монографию «Философия интеллигенции: Разум как революционная сила истории». Авторы приходят к выводу о том, что «развитие интеллигенции соответствует развитию общества в целом: как часть единого социокультурного организма она изменяется вместе с этим организмом... Она возникает в первобытном обществе, в дописьменную эпоху. Появление первых интеллигентов связано с двумя важными процессами, происходившими на ранних ступенях развития человечества: отделения умственного труда от физического и возникновения социального неравенства... Рассматривая вопрос о сущности интеллигентской деятельности, следует подчеркнуть, что интеллигент — это человек, опосредованно или непосредственно управляющий общественными процессами на основе индивидуальной разумности в целях организации совместного труда людей. Интеллигенция — это социальная группа, состоящая

из людей, целенаправленно использующих свой разум для постановки теоретических проблем и нацеливающих людей на решение социально значимых задач... Эти люди... играют выдающуюся роль в выработке революционных идей (научных, технических, политических, религиозных, философских и т. д.)»⁵. Данная монография послужила существенной вехой в деле общетеоретического описания интеллигенции как культурно-исторического явления.

Итогом многолетней работы Юрия Николаевича по изучению феномена социальной революции стала диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук «Революция как предмет социально-философского исследования». На базе диссертационного исследования была подготовлена монография⁶, опубликованная в городе Шуя в 2006 году. Юрий Николаевич разработал концепцию революции как всеобъемлющего общественного (социального) переворота, обеспечивающего восходящее движение человека от одной ступени развития к другой. Революция представляется им как объективный результат субъективно-групповой деятельности людей, стремящихся реализовать свои материально-экономические и духовно-идеологические интересы политическими средствами. В работе дается системный анализ трех основных частей социальной революции: материально-производственного, духовно-идеологического и политико-управленческого переворотов. Одним из аспектов предлагаемой теории революции является рассмотрение интеллигенции как субъекта преобразований в основных сферах общественной жизни: «В социально-философском смысле всякий человек, обладающий разумом и способностью понимания, есть существо “интеллигентное” — *homo intelligentis* (человек понимающий). *Homo intelligentis* есть вместе с тем *homo faber* — человек творящий, производящий. Создаваемый человеком предметный мир, преобразованная, “очеловеченная” природа, представляет собой совокупный продукт труда. В ходе производственно-трудовой деятельности человек изменяет не только окружающий его мир, он изменяет также и свою собственную природу... “Революция” есть философское понятие для обозначения коренного изменения в способе отношения человека к окружающему его миру. В системе социальной реальности революция представляет собой одну из сторон поступательного движения общества»⁷. Изучая основные

положения данной монографии, анализируя доводы, которые используются для их аргументации, неизбежно приходишь к выводу о том, что цель построения целостной системы философского представления о социальной революции достигнута, заложена серьезная теоретико-методологическая база для дальнейших исследований в этой области философского знания.

Помимо научной работы, Ю. Н. Назаров активно занимался и преподавательской деятельностью. Он, с присущим ему азартом, читал интересные лекции, разрабатывал тематику практических занятий, был блестящим оратором и наставником. Студенты любили Юрия Николаевича, нередко приходили к нему домой, просили интересную книгу или просто жизненный совет. Он никогда никому не отказывал, был отзывчив и обходителен с людьми. На последних лекциях в декабре 2017 года студенты провожали его из аудитории аплодисментами в знак благодарности за мастерски преподнесенный материал. Юрий Николаевич подготовил ряд молодых ученых, своих аспирантов. Прежде всего, это его любимый ученик — кандидат философских наук Е. В. Большаков, с которым они трудились над диссертацией «Соотношение морали и права в истории общественной мысли: этико-философский анализ»⁸. Очень признателен Юрию Николаевичу кандидат философских наук И. Д. Назаров, подготовивший под его руководством диссертацию «Категория правосудия в истории общественной мысли»⁹. Много работал Юрий Николаевич с аспирантами Е. В. Федотовым и К. А. Мигушовым. С последним он трудился над диссертацией «Моральное и правовое как факторы социальной регуляции: этико-философский анализ», так и не завершив работу по причине своей неожиданной кончины.

Вечером 6 января 2018 года остановилось сердце замечательного ученого, педагога, отца и уникального человека Юрия Николаевича Назарова. Он закончил свой жизненный путь не дряхлым, всеми забытым стариком, а удивительно бодрым, жизнерадостным, спортивным человеком. В его последний день к нему приходил аспирант, навещала дочь, хотели пригласить на встречу однокурсники.

9 января 2018 года мы простились с Ю. Н. Назаровым, он похоронен вблизи своего любимого места, на высоком берегу реки Тезы в черте старинного русского города Шуя. Вечная память, дорогой учитель!

Примечания

- ¹ *Назаров Ю. Н.* Научно-техническая революция и современный реформизм : (критика теории второй промышленной революции СДПГ) : дис. ... канд. филос. наук. М., 1971. С. 7.
- ² Там же. С. 170.
- ³ В настоящей статье приводятся лишь некоторые, основные работы ученого. Охватить его философское наследие за полувековой период, в рамках одной статьи, не представляется возможным.
- ⁴ *Назаров Ю. Н.* Русское мировоззрение: мифология, идеология, философия : теорет. очерк и учеб.-метод. материалы к спецкурсу. Шуя, 1998. С. 44
- ⁵ *Возилев В. В., Назаров Ю. Н.* Философия интеллигенции : разум как революционная сила истории. Иваново, 2002. С. 356—357.
- ⁶ *Назаров Ю. Н.* Революция (социально-философское исследование) : моногр. Шуя, 2006.
- ⁷ Там же. С. 8—9.
- ⁸ *Большаков Е. В.* Соотношение морали и права в истории общественной мысли: этико-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2015.
- ⁹ *Назаров И. Д.* Категория правосудия в истории общественной мысли : дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2016.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 60.543.132.1

Ю. В. Уханова

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ

Проблема гражданской позиции российского сообщества сегодня выходит на первый план в связи с такими политическими событиями в стране, как подъем протестной активности в начале 2017 года. В конце марта на митинги по всей России вышло около 60 тыс. человек более чем в 80 городах страны, что свидетельствует об общенациональном характере выступлений¹. Следовательно, российские граждане готовы к активным действиям в отстаивании прав, в формулировке своих требований к власти, чем и пользуется несистемная оппозиция.

Вместе с тем гражданская позиция населения связана не только и не столько с оппонированием власти, сколько с ответственностью за состояние государства и общества, с вовлеченностью в различные общественные и политические практики, нацеленные на решение социально значимых проблем. Среди отдельных социальных категорий особая роль в этих вопросах принадлежит интеллигенции — группе населения, где исторически концентрировался интеллектуальный, культурный и образовательный капитал.

© Уханова Ю. В., 2018

Уханова Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель заведующего лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Вологда). Ukhanova4@rambler.ru

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей гражданской позиции российской интеллигенции — наиболее образованной части российского общества. Информационной базой работы являются результаты социологических исследований, проводимых в целом по стране (ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ), а также на территории конкретного региона — Вологодской области (ИСЭРТ РАН)² в 2011 — начале 2017 года. Проблема роли и места интеллигенции в российском обществе является весьма дискуссионной, что обуславливает научный интерес к теме исследования.

В научной литературе существуют различные теоретико-методологические подходы к трактовке категории «интеллигенция»³. В рамках социально-функционального подхода интеллигенция выделяется по такому критерию, как характер труда. Сторонники этого подхода относят к интеллигенции всех, кто занимается умственным трудом благодаря наличию специальности, образования, способностей, опыта и т. д., и соответственно не разделяют понятия «интеллигенция» и «специалисты»⁴. По мнению ряда аналитиков, этот подход малоперспективен, так как он не позволяет вычленить среди специалистов, занятых умственным трудом, интеллигенцию⁵.

Нравственно-этический подход к определению интеллигенции базируется на духовных признаках, лежащих в основе этой общности. Сторонники обозначенного подхода признают, что не всех специалистов с высшим образованием можно отнести к интеллигенции⁶. По мнению А. В. Соколова, интеллигент, будучи образованным и творчески активным человеком, как правило, является специалистом, специалист же, в зависимости от этического самоопределения, может быть интеллигентом, а может быть интеллектуалом⁷.

В современной социологии утверждается позиция, в контексте которой по отношению к специалистам употребляется термин «интеллектуаль», при этом нередко в рамках нравственно-этического подхода понятия «интеллектуаль» и «интеллигенция» противопоставляются: в первом случае — это профессионализм и образованность, во втором — вера в идеалы и человеколюбие⁸. С точки зрения В. С. Меметова, какая бы специфика

не вкладывалась в понятия «интеллигенция» и «интеллектуалы», речь идет об одном и том же — категории людей, группе в социуме, имеющей свои специфические и чрезвычайно важные роли и в базисе, и в надстройке⁹.

В последние годы при изучении интеллигенции становится актуальным комплексный междисциплинарный подход, синтезирующий в себе различные области знаний¹⁰. Так, В. С. Меметов, Г. А. Будник, О. Ю. Олейник, А. А. Соловьев, Ж. Т. Тощенко и другие ученые отмечают, что наиболее продуктивно определять интеллигенцию с точки зрения ее двуединой природы, выделяя при этом и профессионально-социологический, и нравственно-этический критерии¹¹.

В современной зарубежной и российской научной литературе также получает распространение подход, в рамках которого специалисты рассматриваются как отдельный социальный класс интеллектуалов. Исследователи приходят к выводу о том, что специалисты объединяются в класс интеллектуалов на том основании, что они, обладая собственностью на научные знания и информацию, занимают схожее место в имущественной структуре, имеют близкие социальные права и обязанности¹². По мнению американского ученого А. Гоулднера, интеллигенты и интеллектуалы представляют из себя новый (универсальный) класс, возникший благодаря знаниям и умениям, при этом его отличительными чертами выступают язык и образ профессиональной деятельности¹³. В. Л. Иноземцев замечает, что «класс интеллектуалов» отличает уровень образования, оказывающийся значительно выше характерного в тот или иной момент для большинства граждан, «востребованность» в разных структурных элементах социальной иерархии, а также исключительная мобильность¹⁴.

Краткий анализ показал, что в научной литературе существуют различные трактовки термина «интеллигенция», но большинство сходится в одном — непременным условием вхождения в эту социальную группу является обладание особыми знаниями, образованность. Исследователи отмечают, что именно культурно-образовательный аспект обозначает «водораздел» между представителями интеллигентного слоя и всех иных социальных групп¹⁵. По мнению Т. Парсонса, именно процесс обучения преобладает в передаче интеллектуального компонента, который

создает ценностный вектор для профессионала, действующего в рамках инструментальной рациональности¹⁶.

В настоящее время в российском обществе термин «интеллигенция» можно охарактеризовать как довольно устойчивый в обыденном сознании и обиходном употреблении. По результатам общероссийского опроса, проводимого фондом «Общественное мнение» (ФОМ), на вопрос «Как Вы понимаете слово “интеллигенция”?» почти половина респондентов (47 %) ответили, что интеллигенты — это образованные и эрудированные люди («высокообразованные люди», «высокоинтеллектуальные люди», «группа людей, имеющая высокий интеллект», «население с высшим образованием»), 25 % считают интеллигенцию носителем моральных устоев, 15 % отмечают ее культуру и воспитанность, 13 % относят к интеллигенции людей, занимающих определенные должности, представителей ряда профессий¹⁷. Следовательно, согласно общественному мнению, интеллигенцию отличает прежде всего высокий уровень образования. В рамках настоящего исследования интеллигентный слой рассматривается по такому базисному критерию, как образованность (категория населения с высшим и неполным высшим образованием). Безусловно, для вычленения интеллигенции среди других общественных групп недостаточно использовать только образовательный критерий, необходимо учитывать и другие признаки (например, нравственно-этический), поэтому здесь требуется дальнейшая методологическая разработка.

Рассмотрим особенности гражданской позиции россиян с более высоким образовательным уровнем по сравнению с другими общественными группами. Сочетание «гражданская позиция» не имеет в науке единого определения и является достаточно дискуссионным. Мы поддерживаем подход, согласно которому гражданская позиция — осознанное участие человека в жизни общества, отражающее его сознательные реальные действия (поступки) в отношении окружающего в личном и общественном плане, направленные на реализацию общечеловеческих ценностей¹⁸.

Согласно распространенному среди ученых мнению, чем выше уровень образования имеет индивид, тем более активную гражданскую позицию он занимает¹⁹. В частности, Р. Патнэм от-

мечает, что образование — это важнейший фактор различных форм социального участия²⁰. М. К. Горшков и И. Н. Трофимова пришли к выводу, что образование влияет на качество и уровень гражданской активности населения²¹.

Одной из основных составляющих гражданской позиции является такое гражданское качество индивида, как патриотизм. Опираясь на подходы различных ученых, мы считаем, что сущность патриотизма следует понимать как формируемое качество личности, которое предполагает гордость достижениями и культурой своей родины, желание сохранять ее характер и культурные особенности и идентификация себя с другими членами своего народа²². По данным мониторинга общественного мнения, проводимого ФОМ в марте 2017 года, 78 % россиян считают себя патриотами, при этом среди лиц с высшим образованием доля положительных ответов составляет 87 %, со средним специальным — 80 %, со средним общим и нижним — 69 %²³. Таким образом, среди более образованных категорий населения в большей степени заметно проявление гражданских качеств индивидов. Это может свидетельствовать о том, что образование обладает интегрирующей функцией, которая заключается в приобщении к культурным ценностям, что, безусловно, способствует формированию социальной общности.

Вместе с тем российские граждане вкладывают разный смысл в понятие патриотизма (табл. 1)²⁴.

Результаты опросов общественного мнения, проведенных ВЦИОМ (2014 г.) и ИСЭРТ РАН (2016 г.), позволяют выделить некоторые отличительные особенности патриотических ценностей среди наиболее образованных слоев населения. И на общероссийском, и на региональном уровне среди населения преобладает мнение, что суть патриотизма заключается, прежде всего, в проявлении любви к своей стране, при этом среди интеллигенции доля таких ответов несколько выше. Так, на вопрос «Что для Вас значит быть патриотом России?» 72 % респондентов ответили — «Любить свою страну», среди лиц с высшим и неполным высшим образованием таковых 76 %; по региону эти показатели составили 89 и 92 %.

Представители наиболее образованного слоя в большей степени, чем другая часть населения, полагают, что для улучшения

жизни необходимо занимать активную гражданскую позицию: по РФ 34 % респондентов ответили, что быть патриотом — значит «стремиться улучшить жизнь в стране, чтобы обеспечить ей достойное будущее», среди лиц с высшим и неполным высшим образованием — 37 %; по региону — 84 и 87 % соответственно.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Что для Вас значит быть патриотом России?», %**

Территория	Всего	Среднее и н/среднее	Среднее специальное	Высшее и н/высшее
<i>Любить свою страну</i>				
Вологодская область	88,9	86,6	89,2	91,6
РФ	72	66	73	76
<i>Стремиться улучшить жизнь в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее</i>				
Вологодская область	84,1	82,7	83,6	87
РФ	34	33	35	37
<i>Защищать свою страну от любых нападок и обвинений</i>				
Вологодская область	83,5	81,6	84,3	84,6
РФ	33	33	35	34
<i>Гордиться своей страной</i>				
Вологодская область	86,5	84,4	88,8	86,4
РФ*				
<i>Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была</i>				
Вологодская область	67,3	68,2	65,8	64,4
РФ	16	14	16	19
<i>Не говорить, что у твоей страны есть недостатки</i>				
Вологодская область	37,1	36,1	35,2	40,5
РФ	6	4	6	7

* Вариант ответа «Быть патриотом, значит гордиться своей страной» не был представлен.

Кроме того, обращает на себя внимание менее критическое отношение более образованной части населения к общественно-политической обстановке в стране: так, доля жителей Вологодской области, считающих, что «быть патриотом России, значит не говорить, что у твоей страны есть недостатки», составляет 37 %, среди лиц с высшим и неполным высшим образованием — 41 %, удельный вес противоположных суждений — 67 и 64 % соответственно. Полученные данные подтверждают мнение о том, что более высокий уровень образования способствует росту лояльных, а не оппозиционных настроений.

Исследователи отмечают, что образование оказывает влияние на уровень «когнитивной сложности», т. е. способность индивида различать отдельные нюансы проявления свойств социальных объектов, воспринимать реальность как многомерное явление. Низкая степень когнитивной сложности, напротив, свидетельствует об ограниченном понимании явлений, следствием чего могут быть упрощенные представления о способах решения существующих проблем²⁵. Следовательно, у более образованных групп населения выше способность к пониманию происходящих общественно-политических процессов.

Важной характеристикой гражданской позиции является степень гордости за свою страну. По данным опроса общественного мнения, проводимого аналитическим центром «Левада-Центр» в апреле 2017 года, доля положительных суждений на вопрос «Гордитесь ли Вы своей страной?» среди всего опрашиваемого населения составила 67 %, среди лиц с высшим и неполным высшим образованием — 73 %²⁶. Полученные результаты позволяют утверждать, что характерной чертой наиболее образованного слоя российского общества является более высокий уровень проявления гражданских качеств по сравнению с другими социальными группами.

Как показывают данные таблицы 2²⁷, степень гордости за отдельные направления общественного развития отличается среди населения с разным образовательным уровнем. Из проведенного анализа следует, что более образованные слои населения в большей степени, чем другие, гордятся не только интеллектуальной сферой жизни российского общества (культура, искусство, наука), но и политическим развитием страны. В частности, на вопрос «Гордитесь ли Вы позицией России на международной арене?» доля положительных ответов среди лиц с высшим и неполным

высшим образованием составила 63 %, со средним специальным — 57 %, со средним и неполным средним — 51 %.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Могли бы Вы сказать, что гордитесь...?», %**

Вариант ответа	Среднее и н/среднее	Среднее специальное	Высшее и н/высшее
<i>Историей России</i>			
Скорее да	86,2	86,7	84,1
Скорее нет	1,9	4,6	7,5
Затрудняюсь ответить	11,9	8,7	8,4
<i>Российским спортом, спортсменами</i>			
Скорее да	75,1	77,9	79,6
Скорее нет	12,5	11,6	13,8
Затрудняюсь ответить	12,5	10,4	6,6
<i>Культурой, искусством страны</i>			
Скорее да	79,2	83,6	87,8
Скорее нет	5,9	4,6	5,9
Затрудняюсь ответить	14,9	11,8	6,3
<i>Сильной армией, военной мощью страны</i>			
Скорее да	81,4	81,6	77,3
Скорее нет	6,3	7,4	12,2
Затрудняюсь ответить	12,3	11,0	10,4
<i>Российской наукой, учеными</i>			
Скорее да	68,6	71,0	77,6
Скорее нет	9,7	11,6	10,4
Затрудняюсь ответить	21,7	17,4	12,0
<i>Позицией России на международной арене</i>			
Скорее да	50,5	57,2	63,3
Скорее нет	26,9	22,1	21,8
Затрудняюсь ответить	22,6	20,6	15,0
<i>Уровнем (качеством) жизни населения России</i>			
Скорее да	15,6	17,8	19,0
Скорее нет	71,9	69,8	72,8
Затрудняюсь ответить	12,5	12,4	8,2

Таким образом, чем выше уровень образования индивида, тем больше он проявляет интерес к политике и тем выше его способность к пониманию происходящих процессов. По мнению Г. В. Пушкаревой, образование — тот ресурс, которой помогает человеку адекватно ориентироваться в политическом пространстве, правильно определять свое место в системе политических отношений, оценивать действия политических лидеров²⁸.

Неотъемлемым элементом гражданской позиции следует считать сопричастность личности к общим делам государства, психологическое ощущение себя гражданином, полноправным членом общества, осознающим возможность оказывать влияние на решение социальных и государственных проблем²⁹. В таблице 3 представлена динамика мнений респондентов Вологодской области о возможности личного влияния на состояние дел в регионе.

Таблица 3

Динамика доли положительных ответов на вопрос «Можете ли Вы лично повлиять на состояние дел в нашей области?», %³⁰

Образование	Год					
	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Среднее и н/среднее	6,1	1,8	4,1	2,3	4,2	4,6
Среднее специальное	8,9	2,4	3,1	2,2	4,5	4,0
Высшее и н/высшее	11,1	5,0	5,3	7,5	5,3	4,9

Согласно результатам мониторинга ИСЭРТ РАН, для жителей Вологодской области характерна позиция неуверенности в том, что они могут оказать влияние на ситуацию в регионе, причем эта неуверенность растет. С 2011 по апрель 2017 года доля положительных ответов на вопрос «Можете ли Вы лично повлиять на состояние дел в нашей области?» среди наиболее образованной части населения Вологодской области сократилась с 11 до 5 %, среди лиц со средним специальным образованием — с 9 до 4 %, со средним и неполным средним — осталась без изменения (5—6 %). Таким образом, наиболее образованные группы населения,

как и другие, осознают невозможность оптимизировать общественно-политическую и экономическую ситуацию, тем самым демонстрируя отчуждение от власти. В этом заключается негативный эффект, т. к. именно представленная социальная категория в силу своего статуса транслирует ценностные ориентации в обществе. М. К. Горшков и И. Н. Трофимова пришли к выводу, что «кумулятивный эффект» образования заключается в виде противоречия: с одной стороны, люди с более высоким уровнем образования проявляют формальную лояльность к власти, с другой — фактическую отчужденность от нее³¹.

Несмотря на пессимистические взгляды населения о возможности влияния на состояние дел в той или иной сфере общества, большая часть россиян, в том числе и наиболее образованная, проявляет готовность к объединению для совместных действий. По данным на 2013 год, 59 % российских граждан готовы объединяться с другими людьми для совместных действий, среди обладателей высшего образования — 69 %³². По региону за аналогичный период эти показатели значительно ниже — 43 и 58 % соответственно³³. Обращает на себя внимание тот факт, что, по результатам и общероссийского, и регионального опросов, самая образованная часть российского общества занимает более активную гражданскую позицию в вопросах объединения. Однако в долгосрочной динамике наблюдается сокращение уровня готовности к объединению среди более образованных слоев общества (с 2013 по 2017 г. доля положительных ответов о готовности объединяться с другими людьми для совместных действий среди населения с высшим и неполным высшим образованием сократилась с 58 до 52 %, тогда как в целом по области этот показатель увеличился (с 43 до 46 %) ³⁴.

Ключевой характеристикой гражданской позиции является социальная активность — сознательные действия человека, направленные на общественно значимые преобразования материальной и духовной среды общества³⁵. По данным ВЦИОМ, на вопрос «Важно ли для Вас участие в общественной и политической жизни?» доля положительных ответов среди лиц с высшим и неполным высшим образованием составила 55 %, со средним специальным — 49 %, со средним — 45 %, с начальным и неполным средним — 38 %³⁶. Полученные данные демонстрируют

очевидную связь образовательного уровня граждан и осознания значимости для них участия в общественной и политической жизни. В таблице 4 представлена динамика положительных оценок жителей Вологодской области с различным уровнем образования степени своего участия (активное и скорее активное) в общественной и политической жизни.

Таблица 4

Динамика оценок населением Вологодской области степени участия в общественной и политической жизни, %

Образование	Год					
	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Среднее и н/среднее	19,6	15,8	20,1	12,1	11,7	14,7
Среднее специальное	29,0	24,4	21,4	15,7	14,9	21,8
Высшее и н/высшее	31,4	28,7	24,8	26,1	18,9	23,8

По данным таблицы, с 2011 по 2017 год среди наиболее образованной части населения наблюдается отрицательная динамика оценок степени своего участия в общественной и политической жизни (с 31 до 24 %), аналогичные тенденции проявились и у других образовательных групп населения (среди лиц со средним и неполным средним образованием — с 20 до 15 %; со средним специальным — с 29 до 22 %) ³⁷. Следует отметить, что за указанный период оценки степени участия в жизни общества среди населения с высшим и неполным высшим образованием выше, чем среди лиц со средним и неполным средним образованием, а за отдельные годы (например, в 2013—2016 гг.) — также и среди населения со средним специальным образованием. Это свидетельствует о том, что чем выше уровень образования, тем выше и степень гражданского участия.

Исследователи полагают, что в России уровень общественной активности существенно ниже политической, что говорит о преобладании конвенциональных практик, прежде всего, в виде участия в голосовании. Но чем выше уровень образования,

тем большее значение приобретает участие в общественной сфере³⁸. Этот вывод подтверждается и на основе анализа данных опроса общественного мнения в регионе (табл. 5)³⁹.

Таблица 5

Динамика социальной активности населения Вологодской области с различным образовательным уровнем, %

Образование	Год					
	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Выборы						
Среднее и н/среднее	66,4	54,4	37,6	35,6	25,5	48,6
Среднее специальное	67,9	64,9	49,1	50,7	32,5	54,9
Высшее и н/высшее	70,1	75,9	37,8	58,1	36,5	55,1
Деятельность общественных организаций						
Среднее и н/среднее	2,5	0,8	1,4	1,1	1,2	1,8
Среднее специальное	3,9	1,7	1,9	2,4	1,7	3,1
Высшее и н/высшее	5,9	5,8	7,7	4,9	3,4	6,9
Деятельность политических партий						
Среднее и н/среднее	0,5	0,2	0,4	0,6	0,0	1,0
Среднее специальное	0,6	0,7	0,6	0,6	0,8	1,3
Высшее и н/высшее	1,9	2,6	2,0	1,5	1,3	3,1
Подписание обращений, петиций в органы власти						
Среднее и н/среднее	1,8	1,8	1,1	2,3	4,2	4,6
Среднее специальное	3,3	1,8	2,5	3,2	3,4	4,5
Высшее и н/высшее	2,8	3,7	4,6	6,1	5,1	8,2

Анализ полученных данных показал, что среди всех образовательных групп уровень социальной активности выше в таком направлении, как выборы; при этом в 2011—2013 гг., 2015—2016 гг. среди населения с высшим и неполным высшим образованием степень активности в этой части политического участия выше по сравнению с менее образованными группами.

Для наиболее образованной части российского общества характерен более высокий уровень социальной активности по такому направлению, как подписание петиций и обращений в органы власти; за указанный период наблюдается некоторый рост показателя (с 3 до 8 %).

Более образованные слои населения проявляют большую активность в деятельности общественных организаций: среди населения с высшим и неполным высшим образованием доля таких лиц в 2011—2017 гг. составила 6—7 %, среди лиц со средним специальным образованием — 3—4 %, со средним и неполным средним — 2—3 %. Однако степень этого участия, как следует из полученных данных, среди всех образовательных групп сохраняется на весьма низком уровне.

Участие в работе политических партий вызывает незначительный интерес российских граждан независимо от их образования.

Таким образом, население не проявляет высокого уровня гражданского участия. Вместе с тем, как показал анализ, образовательный фактор оказывает влияние на социальную активность россиян: среди населения с более высоким образовательным уровнем участие в различных формах общественно-политической жизни несколько выше по сравнению с менее образованными группами.

Определенный интерес вызывает характеристика структуры препятствий для формирования активной гражданской позиции среди населения в зависимости от уровня образования (табл. 6).

Как свидетельствуют данные таблицы 6, более образованные слои общества объясняют слабое проявление гражданской позиции населения в первую очередь иждивенчеством (27,4 %), безразличием к общим делам (26,9 %), неверием в возможность оказывать влияние на решения властей (25,3 %). Граждане с более низким уровнем образования среди основных причин, препятствующих проявлению активной гражданской позиции, выделили также недостаток знаний, некомпетентность.

Это свидетельствует о том, что население осознает влияние образовательного фактора на проявление социальной активности в обществе.

Таблица 6

**Препятствия для общественной активности граждан
в зависимости от уровня образования, %**

Препятствия	Образование		
	среднее и н/среднее	среднее специальное	высшее и н/высшее
Безразличие к общим делам, индивидуализм	14,1	17,8	26,9
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	14,7	16,2	27,4
Отсутствие способности к организации	8,9	6,9	13,8
Недостаток времени, чрезмерная занятость	13,9	11,2	21,6
Недостаток знаний, некомпетентность	15,7	16,6	19,4
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	18,5	17,1	25,2
Опасения негативной реакции со стороны окружающих	5,2	5,1	7,3
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	11,1	12,2	20,3
Другое	0,4	0,2	0,7
Затрудняюсь ответить	42,3	42,5	24,5

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема российской интеллигенции является достаточно дискуссионной — в современных научных кругах не выработано единого взгляда на понятие «интеллигенция», не определены критерии, по которым следует вычленять эту социальную категорию. Вместе с тем исследователи отмечают, что именно культурно-образовательный аспект является одним из определяющих для выделения представителей интеллигенции среди иных социальных групп.

Безусловно, для вычленения интеллигентного слоя недостаточно использовать только образовательный критерий, и весьма дискуссионным является вопрос — всю ли часть наиболее образованного общества можно отнести к интеллигенции. Важно отметить необходимость дальнейшей разработки инструментария по заявленной проблеме.

Анализ результатов мониторинга общественного мнения в стране и регионе позволяет выделить некоторые особенности гражданской позиции самой образованной части российского общества. Характерной чертой исследуемой категории населения является более высокий уровень проявления гражданских качеств и участия в общественных практиках по сравнению с менее образованными группами. Граждан с более высоким уровнем образования выделяет менее критический настрой к власти, у них выше способность к пониманию происходящих общественно-политических процессов. Полученные данные демонстрируют очевидную связь образовательного уровня индивидов и осознания ими значимости участия в общественной и политической жизни, активной гражданской позиции, направленной на улучшение положения в стране, поэтому наиболее образованные группы ключевым препятствием для социальной активности населения называют иждивенческую позицию.

Однако противоречие проявляется в том, что, с одной стороны, образование выполняет интегрирующую функцию, которая заключается в приобщении граждан к культурным ценностям, что способствует формированию социальной общности. С другой стороны, высокообразованная часть общества, как и менее образованные группы населения, осознает невозможность оптимизировать общественно-политическую и экономическую ситуацию и тем самым демонстрирует отчуждение от власти. В результате реальное гражданское участие более образованных групп населения остается на весьма низком уровне. В этом заключается негативный эффект, т. к. именно представленная часть общества в силу своего статуса транслирует ценностные ориентации. В целом следует подчеркнуть, что высокий образовательный капитал этой социальной группы слабо реализуется в социально-политической сфере, а именно в построении реальных стратегий активной гражданской позиции в обществе.

Примечания

- ¹ Волков Д. В чем особенности новой волны протестов в России // Официальный сайт аналитического центра «Левада-Центр». URL: <http://www.levada.ru/2017/04/06/v-chem-osobennosti-novoj-volny-protestov-v-gossii/> (дата обращения: 03.05.2017).
- ² Опрашивалось 1500 респондентов старше 18 лет в двух городах — Вологде и Череповце, а также в восьми муниципальных районах (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские поселения, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3 %.
- ³ Кураев А. Н. О специфике и особенностях подходов к интеллигентоведению // Интеллигенция и мир. 2017. № 1. С. 9—25.
- ⁴ Диденко Д. В. Опыт исторической типологии российских интеллектуальных кадров // Социально-политический журнал. 1998. № 4. С. 220—223.
- ⁵ Будник Г. А. Формирование интеллигенции в высшей школе центрального района России в 1970—1985 годы // Интеллигенция и мир. 2013. № 4. С. 33—44.
- ⁶ Коган Л. Н. Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? // Российская интеллигенция, XX век : тез. докл. и сообщ. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 61.
- ⁷ Соколов А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб., 2007. Вып. 22. С. 17.
- ⁸ Гришина Е. А. «Старая» и «новая» российская интеллигенция — противоречия социальной идентификации // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное : материалы XII Междунар. теорет.-метод. конф. М., 2012. С. 41—42.
- ⁹ См.: Интеллигенция: вопросы теории и методологии. Иваново, 2014. С. 37.
- ¹⁰ Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2008. С. 4.
- ¹¹ Меметов В. С. Проблемы становления новой парадигмы интеллигенции // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход : тез. докл. XI Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2000. С. 10 ; Интеллигенция: вопросы теории и методологии. С. 95 ; Меметов В. С., Будник Г. А. Теоретические основы формирования

- интеллекции в образовательном пространстве высшей школы // Интеллекция и мир. 2004. № 1—2. С. 26 ; *Олейник О. Ю.* Советская интеллекция в 30-е годы (теоретико-методологический и историографический аспекты). Иваново, 1997. С. 53 ; *Тоценко Ж. Т.* «Старая» и «новая» интеллекция: современные реалии // «Новая» и «старая» интеллекция: общее и особенное. М., 2012. С. 15—26.
- ¹² См.: *Gouldner A. W.* Against Fragmentation: the Society of Intellectuals. N. Y., 1979 ; *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930—1980-х гг. // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 91—102 ; *Солодовников С. Ю.* Класс интеллектуалов // Большой энциклопедический словарь : философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. Минск, 2002. С. 364 ; *Иноземцев В. Л.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 67—77 ; *Крюкова Н. С.* О роли интеллекции в современных условиях // Интеллекция в системе социально-классовой структуры общества : тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Кемерово, 1991. С. 48.
- ¹³ *Gouldner A. W.* Op. cit. P. 25—26.
- ¹⁴ *Иноземцев В. Л.* Указ. соч. С. 67.
- ¹⁵ *Шиняева О. В., Ключева Т. В., Займалин Е. П.* Интеллекция в российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 3 (23). С. 54—59.
- ¹⁶ *Parsons T.* Professions // International Encyclopedia of the Social Sciences. The Macmillan Company & The Free Press, 1968. P. 536.
- ¹⁷ Общероссийский опрос населения состоялся 5 августа 2011 г. по репрезентативной выборке в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон России. Интервью проведены по месту жительства, выборка — 1500 респондентов, статистическая погрешность не превышает 3,6 % (Материалы фонда «Общественное мнение»). URL: <http://bd.fom.ru/reports/frames/body/off012905.html> (дата обращения: 28.04.2017).
- ¹⁸ Социологический словарь // Крупнейший сборник онлайн словарей. URL: <http://www.onlinedics.ru> (дата обращения: 10.04.2017).
- ¹⁹ *Dewey J.* Democracy and Education : an Introduction to the Philosophy of Education. Los-Angeles, 2011.
- ²⁰ *Putnam R. D.* Bowling Alone : the Collapse and Revival of American Community. N. Y., 2001.
- ²¹ *Горшков М. К., Трофимова И. Н.* Образование как фактор и ресурс гражданского участия и демократического развития общества // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1 (13). С. 7—18.

- ²² *Крысько В. Г.* Патриотизм // Этнопсихологический словарь. М., 1999. URL: <http://enc-dic.com/ethnopsychology/Patriotizm-198.html> (дата обращения: 10.04.2017).
- ²³ Общероссийский опрос населения проводился 5 марта 2017 г. по репрезентативной выборке в 53 субъектах РФ, 104 населенных пунктах. Интервью проведены по месту жительства, размер выборки — 1600 респондентов, статистическая погрешность не превышает 3,6 %. Материалы фонда «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/TSenosti/13261#> (дата обращения: 28.04.2017).
- ²⁴ Данные мониторинга общественного мнения ВЦИОМ и ИСЭРТ РАН.
- ²⁵ *Горшков М. К., Трофимова И. Н.* Указ. соч. С. 13.
- ²⁶ Общероссийский опрос населения проводился с 21 по 24 апреля 2017 г. по репрезентативной выборке в 48 субъектах РФ, 137 населенных пунктах. Интервью проведены по месту жительства, выборка — 1600 респондентов, статистическая погрешность не превышает 3,6 % (Материалы аналитического центра «Левада-Центр»). URL: <http://www.levada.ru/> (дата обращения: 20.05.2017).
- ²⁷ Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН на 2016 г.
- ²⁸ *Пушкарева Г. В.* Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 16—20.
- ²⁹ *Чельцов М. В.* Формирование гражданской позиции студенческой молодежи высшего учебного заведения. М., 2013 ; *Гаязов А. С.* Образование как пространство формирования личности гражданина. М., 2006.
- ³⁰ Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН за 2011 — апрель 2017 г.
- ³¹ *Горшков М. К., Трофимова И. Н.* Указ. соч. С. 15.
- ³² Общероссийский опрос населения проводился 24 марта 2013 г. по репрезентативной выборке в 43 субъектах РФ, 100 населенных пунктах. Интервью проведены по месту жительства, выборка — 1500 респондентов, статистическая погрешность не превышает 3,6 % (Материалы фонда «Общественное мнение»). URL: <http://fom.ru/TSenosti/10964> (дата обращения: 25.04.2017).
- ³³ Представлены данные в целом по области, а также среди лиц с высшим и неполным высшим образованием // Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН, 2013 г.
- ³⁴ Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН, 2013 и 2017 гг.
- ³⁵ *Казаева Е. А.* Педагогическая концепция развития гражданской позиции будущего учителя. Челябинск, 2010.
- ³⁶ Общероссийский опрос населения проводился 21 сентября 2014 г., выборка — 1600 респондентов (Материалы аналитического центра

ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=983&q_id=67656&date=21.09.2014 (дата обращения: 27.04.2017).

³⁷ Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН за 2011 — апрель 2017 г.

³⁸ Горшков М. К., Трофимова И. Н. Указ. соч. С. 16.

³⁹ Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН за 2011 — апрель 2017 г.

ББК 63.3(2)64-283.3-283.2

С. И. Бойко

ВОЕННЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Интеллектуал, согласно энциклопедическому несокращенному словарю английского языка Вебстера, — это «человек, который высоко ценит и придает значение более сложным формам и областям знания, особенно таким, как эстетические или философские вопросы. На абстрактном и общем уровне — чрезвычайно рациональный человек, который полагается на интеллект, а не на эмоции или чувства»¹. В полной мере это относится к военным профессионалам, специалистам высшей квалификации. Мало кто сможет четко аргументировать сомнения в умственных способностях военных теоретиков, инженеров, командиров, специалистов штабов и аналитических центров. В истории человечества первыми проблемы политической географии и геополитики сформулировали и исследовали военные моряки, военные

© Бойко С. И., 2018

Бойко Сергей Иванович — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета (Москва). bsi1952@yandex.ru

разведчики и топографы в целях обеспечения конкурентоспособности государств, которым они служили. Достаточно сослаться на редко упоминаемые в учебниках труды русского ученого, офицера, военного разведчика А. Е. Вандама (Едрихина) (1867—1933)².

Соотношение и взаимосвязь понятий «интеллектуал» и «интеллигент» исследованы достаточно полно и всесторонне, вместе с тем целесообразно рассмотреть особенности военных интеллектуалов, их способности и компетенции, которые не являются обязательными для профессионалов иных сфер деятельности. Прежде всего, этих людей отличает гармоничное сочетание развитых физических и умственных качеств. Человек, избравший военную карьеру, обязан, в отличие от студента гражданского университета, быть готов к серьезным нагрузкам и психологически, и интеллектуально, и физически. Второе отличие — мировоззренческое. У человека, решившего служить государству в военных структурах, иная самоидентификация и иные идеологические предпочтения. Добровольно посвятив жизнь военной службе, невозможно стать приверженцем либеральной политической идеологии. Фундамент либерализма — приоритет индивидуальной свободы как аксиома необходимого условия самореализации личности, апология индивидуализма и понимание социума как совокупности равноценных и независимых личностей. Либеральная самоидентификация противоречит духу, смыслу и системе организации службы в военных структурах любого государства при любых известных практике государственного управления политических режимах. Военный интеллектуал подчиняет жизнь и судьбу решениям вышестоящих командиров и начальников. Социальные лифты в военных структурах функционируют в условиях подчинения личных интересов государственным интересам выполнения служебных задач, в министерстве обороны — интересам защиты государства и граждан от потенциальной агрессии в любых современных формах ее проявления. В вооруженных силах всех государств естественны и устойчивы традиции, охранительные тенденции, идеология консерватизма, в современных государствах с конкурентной экономикой — неоконсерватизма. Самореализация личности и служебная карьера объективно подчинены решению не просто индивидуальных или корпоративных, но государственных и общенародных проблем,

неизбежно возникающих в конкретных социально-политических обстоятельствах в национальной политической системе на конкретном историческом этапе.

Пробуксовка реализации концепции устойчивого социально-экономического развития постсоветской России во многом объясняется продолжением практики применения либеральных экономических парадигм в условиях современной российской реальности, не поддающейся корреляции с моделями политических режимов и институтов государственного управления англосаксонского и западноевропейского образца без учета национальных традиций и национальной политической культуры. Процесс политической бифуркации между российским политическим истеблишментом и адептами однополярного мироустройства начался в 2007 г. с известной речи В. В. Путина на мюнхенской конференции по международной безопасности. Практически во всех социальных группах и в структурах государственного управления всех ветвей власти постепенно стало преобладать понимание, что либеральная парадигма демократического политического устойчивого развития (полиархия), концептуально основанная на «глобальной демократии» и первенстве одной политической системы, — путь тупиковый: «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном — именно в современном — мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации»³. Сначала в части политической элиты, отождествляющей свои личные перспективы с устойчивым экономическим и социально-политическим развитием России, затем среди высших государственных служащих проявился интерес к идеологии социального консерватизма (официальная идеология политической партии «Единая Россия») и неоконсерватизма. Связан этот процесс с пониманием того, что идеологическая конкуренция времен двухполярного мира и «холодной» войны уступила первенство экономической и политической глобализации, межгосударственной конкуренции за распределение ресурсов в планетарном масштабе. Поэтому для современной России, как утверждал

в феврале 2012 г. кандидат в президенты РФ В. В. Путин, необходимо строительство комфортного и конкурентоспособного государства, поскольку «реальность глобального мира — это конкуренция государств за идеи, людей и капитал. А фактически — за будущее своих стран в сформировавшемся глобальном мире»⁴.

В социально-политической практике государственного управления наиболее отчетливо расхождение, даже антагонизм, между политологами, политиками, партнерами или сторонниками российского государства проявляются в обосновании механизмов и инструментов обеспечения устойчивости и динамической стабильности (гомеостазиса) политического режима, а также в обосновании и оценках применения институтами государственной власти монопольного права государства на легитимное насилие.

В России продолжается модернизация социально-политических методов и инструментов исполнения институтами государственной власти функций управления государством и взаимодействия с гражданским обществом для обеспечения устойчивого социально-экономического развития и политической стабильности. Проблема продолжительного и относительно устойчивого гомеостазиса трансформирующегося российского политического режима стала системной и объективно требующей постоянных тактических и стратегических решений. В гуманитарных науках существует множество исследований категории «политический режим». Российский политолог Ю. В. Ирхин предложил многофакторное и объемное определение: «политический режим — совокупность характерных для определенного типа государства политических отношений, применяемых властями средств и методов, сложившихся отношений государственной власти и общества, господствующих форм идеологии, состояния политической культуры и сознания; категория политологии, характеризующая реальное распределение политической власти и влияния в государстве и обществе... Под политическим режимом понимается совокупность элементов идеологического, институционального и социального порядка, способствующих формированию политической власти в данной стране на определенный период»⁵. И. В. Ирхин отметил, что при анализе политических режимов необходимо рассматривать составляющие их переменные величины, среди которых в контексте темы статьи выделяются: «характер

политического персонала и руководства (качества государственных чиновников, бюрократии, политических элит и лидеров, ведущих представителей бизнеса, особенности их взаимодействий); характер господствующих и влияющих на государственную политику финансов промышленных и военных групп»⁶.

Военные интеллектуалы в современной России сыграли ключевую роль в преодолении последствий политического проекта экспорта «глобальной демократии», в противодействии однополярному доминированию. Если провести краткий политологический анализ российских и американских исследований роли и места военных интеллектуалов в США и в России, то можно сделать несколько заключений, противоположно оценивающих участие военных интеллектуалов в государственном управлении в этих двух цивилизационных проектах в первой четверти XXI века.

С. Хантингтон осуществил анализ роли кадровых военнослужащих в государственном управлении, их компетентности, ответственности, которые присущи в принципе каждой профессиональной организации, где имеется высокая степень специализации в процессе предоставления данной профессиональной организацией (профессиональной корпорацией) своих коллективных услуг государству и обществу в целом. Как, например, это делает дипломатическая служба⁷. Особо С. Хантингтон выделил военных интеллектуалов, поскольку профессиональные компетенции и специализации отличают их «от всех (или почти от всех) гражданских специалистов» государственного управления. Военные интеллектуалы как основная часть современного офицерского корпуса активно участвуют в организации управления насилием. «Особое мастерство офицера проявляется в руководстве, управлении и контроле организованной массой людей, чьей основной функцией является применение насилия»⁸. Американский политолог указал на то, что «все профессии в той или иной степени регулируются государством, но военная профессия монополизирована государством. Мастерство офицера — в управлении насилием; он несет ответственность за военную безопасность своего клиента — общества»⁹. С. Хантингтон, поддерживая концепт монополии государства на управление насилием, считает, что отношения между офицером и государством строятся так же, как между продавцом и покупателем, предпринимателем

и наемным работником. Представляется, что такая трактовка не соответствует российской действительности, российской национальной традиции и политической культуре. Патриотизм, верность гражданскому долгу, верность присяге, данной народу, и служение государству невозможно ограничить отношениями между клиентом (в нашем случае — государством) и тем, кто оказывает услуги.

Поскольку военные интеллектуалы управляют насилием, то при попытках смены или эволюционной модификации политического режима, влияя на их политическое сознание и формируя изменения в их политической культуре, можно целенаправленно формировать идеологию участия военных во внутривнутриполитических процессах государства, когда и если политической элите требуется «скорректировать» политический режим.

Профессиональная подготовка иностранных военных кадров в масштабах, значимых для влияния на политические режимы, организована в США, некоторых странах Западной Европы, была в СССР. Допустимо предположить, что в России предпринимаются шаги для восстановления сотрудничества в сфере военного образования. В США создана разветвленная и многоуровневая система обучения иностранных военных, в том числе оперативно-штабного и стратегического уровня управления. В рамках темы статьи следует выделить обучение военных профессионалов из государств Латинской Америки в специализированных региональных центрах, функционирующих на территории США, предназначенных для профессиональной переподготовки представителей вооруженных сил и других силовых структур области безопасности Западного полушария. США исторически традиционно считают Латинскую Америку сферой своих исключительных интересов, всегда эмоционально реагируют на появление здесь даже потенциальных политических конкурентов. Поэтому влияние на военных интеллектуалов обеспечивают через «сотрудничество в данных центрах, которое осуществляется на безвозмездной основе в соответствии с условиями двусторонних соглашений между Пентагоном и странами-участницами. Преподавание ведется преимущественно на испанском языке. Учебные группы формируются из представителей различных государств региона... В настоящее время в США действует более 15 целевых

программ обучения зарубежных специалистов в сфере обороны и безопасности, реализуемых Пентагоном и Государственным департаментом США как самостоятельно, так и во взаимодействии друг с другом. Программы призваны решать комплексные задачи по обеспечению стратегических интересов Вашингтона в различных странах и регионах мира»¹⁰.

Вопреки многочисленным праволиберальным ожиданиям, наиболее устойчивыми и критически настроенными к ценностям западной культуры в России оказались именно военные интеллектуалы как носители военной национальной культуры, национального самосознания, представляющего мнения и образ жизни традиционно ориентированной на устойчивое социально-экономическое и эволюционное политическое развитие части российского социума, занимающей важное место в государственном управлении. Достаточно вспомнить генерала А. И. Лебеда, погасившего в зародыше гражданскую войну в Молдавии в 1992 г., обеспечившего национальные интересы России в Приднестровье, существование Приднестровской молдавской республики и сохранность крупнейшего хранилища вооружений в Европе, оставшегося на территории ПМР после распада СССР.

Военные интеллектуалы и военная культура как неотъемлемая и составная часть национальной политической культуры остаются объектами глобального соперничества в современных условиях, когда однополярное мироустройство не получилось, а многополярная система не имеет ни адекватного теоретического обоснования в политической науке, ни действенной поддержки в практике межгосударственных и межкультурных взаимоотношений.

М. Н. Грачев исследовал проблему устойчивости национального политического режима в зависимости от внешнего влияния на национальную культуру западных парадигм политической культуры, показал влияние на пути модернизации государственного управления в переходных политических режимах, обосновал влияние культуры избирателей, в том числе военнослужащих, на формирование инструментов, чтобы системно реализовывать «попытки искусственной вестернизации национального самосознания незападных обществ». Для этого М. Н. Грачев использует такое понятие, как культурный империализм. «Данный термин — это не просто теоретическая метафора, он означает

вполне конкретную политику в области культуры, которой присущи следующие основные черты: 1) перенесение ценностей и культурных стереотипов высокоразвитых стран на развивающиеся страны; 2) насаждение одной национальной культуры в качестве универсальной и господствующей, угрожающей национальной самобытности других стран; 3) стремление использовать культуру для достижения политических целей, идеологической пропаганды и завоевания позитивного имиджа; 4) подчинение политики культуры транснациональным монополиям, стремящимся к контролю индустрии культуры в глобальном масштабе»¹¹. Вестернизация военных интеллектуалов и внедрение в российский военный потенциал западных ценностей и образа жизни не получились. Военные интеллектуалы, например, не приняли концепцию гражданского министра обороны, как в Европе и США. Когда министр в штатском позволяет себе принимать военный парад на Красной площади в Москве, при всех остальных сохранившихся традиционных атрибутах праздничных парадов, это встречают по меньшей мере с недоумением даже самые либерально настроенные граждане. Введение обслуживания военных частей и соединений гражданскими коммерческими структурами (военный аутсорсинг) также показало свою неэффективность в России и постепенно было практически ликвидировано.

Платон и Аристотель, размышляя о разных политических режимах, обращали внимание на характеристики режима тимократии, на государственную власть, государственное управление, в котором преобладают честолюбивые, заслуженные, военные. Причем Аристотель считал тимократию положительной формой политического режима, имеющей тенденцию перехода к отрицательной форме — демократии. Разумеется, за тысячелетия многое абсолютно изменилось и модифицировалось. Вместе с тем, легитимная монополия на насилие осталась исключительной привилегией современного демократического государства, а для осуществления им данной функции в периоды социально-политической турбулентности и политических бифуркаций требуются подготовленные специалисты государственного управления. Аристотель утверждал: «Тремя качествами должны обладать те, кто намерен занимать высшие должности: во-первых, сочувствие существующему государственному строю; затем, иметь

большие способности к выполнению обязанностей, сопряженных с должностью; в-третьих, отличаться добродетелью и справедливостью, соответствующими каждому виду государственного строя»¹². Указанным требованиям к качествам профессионалов государственного управления в современной России соответствуют именно военные интеллектуалы. Военные объективно сочувствуют существующему политическому режиму, так как принадлежат к среднему классу и в большинстве своем привержены традиционным ценностям, идеологии консерватизма, точнее, современному неоконсерватизму.

С. Хантингтон исследовал роль военных в государственном управлении, в обеспечении устойчивости государства, выявил ряд причин, по которым участие профессиональных военных в политических процессах лимитируется. В уже упоминавшейся работе С. Хантингтона «Третья волна: демократизация в конце XX века» в разделе «Проблема преторианцев: армия мятежная и могущественная» утверждается, что «попытки свергнуть новые демократические правительства проваливались, потому что организаторы переворотов не могли привлечь на свою сторону средний класс и другие группы, входящие в политическую коалицию, которая обеспечила возможность демократии»¹³.

Средний класс в политическом отношении тяготеет к традиционализму и консервативной идеологии, к сохранению достигнутого уровня стабильности своего общественного положения, к постепенному, эволюционному характеру реформ. Как правило, это социальные группы «self-made», т. е. «сделавшие себя сами», добившиеся успеха в сложных и противоречивых условиях конкуренции в социальных лифтах благодаря собственной инициативе и упорству. При анализе карьерного роста военных профессионалов это наблюдается достаточно отчетливо. Именно они заинтересованы в политической и социально-экономической стабильности, в сведении к минимуму вероятности социального взрыва. Им есть что терять. Для политической власти расширение среднего класса представляет важнейшую социальную задачу. Расширение среднего слоя за счет социальной категории людей, экономической основой которых служат труд и знания, выполнение определенных функций управления, а не частная

собственность, — задача государственная. Военные специалисты высокой квалификации, военные интеллектуалы, офицерский корпус в стабильных государствах составляют значительную часть среднего класса. Во всех странах мира офицерский корпус — это граждане, имеющие высшее профессиональное образование. Продвижение по службе обусловлено обязательным повышением компетентности, практическим опытом и теоретической переподготовкой. Контрактный принцип комплектования военных структур предполагает, что государство предлагает соискателю должности условия оплаты и прохождения службы не ниже средних, возможных для данного соискателя в других сферах деятельности. Помимо материальной заинтересованности, фактором поступления на службу в военные структуры служит и соответствующая личная культурная, ценностно-политическая ориентация человека. По уровню доходов, образу жизни и месту в социально-политической структуре военнослужащие в государствах со стабильным политическим режимом относятся к среднему классу. Не случайно российское высшее руководство в последние годы последовательно повышает жизненный уровень и социальный статус офицерского корпуса вооруженных сил после долгих лет неоднозначных военно-административных реформ, реорганизаций и внутриведомственных преобразований. Только в государствах с неустойчивыми политическими режимами уровень доходов военнослужащих может зависеть от их внеслужебной предпринимательской деятельности, что неминуемо провоцирует приватизацию государственных функций, ведет к социально-политической эрозии и угрожает распаду государства.

В первые постсоветские годы велись затяжные дискуссии в гражданском обществе и в структурах государственного управления о необходимости провести «переприсягу» военнослужащих на верность служению Российской Федерации, как это было сделано во всех государствах, возникших после развала СССР. В итоге возобладал политический реализм, российский офицерский корпус был освобожден от процедуры «переприсяги», была сохранена традиция преемственности и идентификации вооруженных сил, которые служат народу, а не политическому режиму, не могут и не хотят быть преторианцами. Это сохранило

внутрикорпоративную солидарность среди разных поколений профессиональных военных и социально-политическую стабильность институтов российского государства, управляющих легитимным и монопольным насилием. Неспособность твердо гарантировать монополию государства на насилие показывает утрату государственным управлением легитимности в общественном мнении, проявление непрофессионализма и низких интеллектуальных способностей у военных руководителей и ставит вопрос о существовании государства или об изменении политического режима, причем не всегда в результате избирательных кампаний. Несостоятельность официальных органов государственного управления с февраля 2014 г. на Украине отчетливо демонстрируют парамилитаризированные, националистические, откровенно нацистские территориальные формирования, не подчиняющиеся центральной исполнительной власти, с сомнительными источниками финансирования и снабжения, преследующие противоречивые цели. Многочисленные попытки экономически и социально заблокировать территорию Крыма националистами и силовыми структурами Украины — это примеры такой же бесперспективной политической технологии, как, в частности, циничные и провокационные препятствия для пересечения украинскими туристами российской границы¹⁴.

Х. М. Аснар, испанский политик, бывший председатель Народной партии и премьер-министр Испании, в своих воспоминаниях написал: «В России в девяностые годы не было государства в собственном понимании этого слова, и Путин столкнулся с задачей вернуться к строительству государства сверху донизу»¹⁵. Достаточно показателен пример того, как в Испании были учтены особенности политической культуры и традиционализм профессиональных военных для успешного осуществления политического транзита от авторитарного правления каудильо Франко к демократическому политическому режиму. Исследователь современной политической истории Испании профессор Ч. Т. Пауэлл, анализируя проблемы политического транзита, проявившиеся в попытке военного переворота в феврале 1981 г., указал на роль военных интеллектуалов: «Увидев по телевидению короля, одетого в форму генерал-капитана армии, и выслушав его торжественное подтверждение, что “Корона, символ стабильности

и единства Родины, не может потерпеть ни в какой форме действий или поведения персон, которые претендуют силой прекратить демократический процесс, который Конституция, утвержденная голосованием испанского народа, в свое время на референдуме”, за исключением редких случаев, даже высшие военные руководители высказались решительно против попытки переворота, действовали в поддержку Конституции или правительства, только повинувшись монарху»¹⁶. У короля Хуана Карлоса был непререкаемый авторитет и истинное уважение среди военных профессионалов. Будущий король, готовясь к исполнению государственных обязанностей, закончил три военных училища: сухопутное, военно-морское и авиационное. Он до сих пор остается единственной королевской особой в мире, имеющей диплом пилота реактивных самолетов, и его появление в военной форме в ситуации политической бифуркации было не просто имиджевым поступком. Вот что сказал после путча новый министр обороны Альберто Олиарт: «Я франкист, чту память генерала Франко, я был восемь лет полковником его личной гвардии, у меня медаль, заслуженная в России, я участвовал в гражданской войне, и можно понять, как я думаю. Но Каудильо приказал мне подчиниться его преемнику, и Король приказал мне остановить переворот, и я остановил; если бы он приказал мне напасть на Кортесы, я бы напал»¹⁷.

Политическая культура и политическое мировоззрение военных интеллектуалов традиционные и в современных условиях неоконсервативные, учитывающие социально-экономические реалии и конкуренцию среди предпринимательского сообщества с целесообразным участием государства в экономической деятельности. Только сбором налогов и финансовым регулированием сейчас ограничиться не получается даже у самых либеральных экономик мира, в том числе и США. Предвыборная программа президента США Д. Трампа содержала много конкретных пунктов прямого государственного участия в экономических процессах как национального, так и глобального масштаба. Социально-политическая и экономическая конкуренция заняла место идеологического противоборства, «экспорт демократии» приобрел глобальный, прежде всего, социально-экономический и военно-политический характер. Государственное регулирование стало неотъемлемой и необходимой составляющей глобальной

конкуренции между государствами и блоками (союзами) государств, а военные интеллектуалы являются активными субъектами глобальных процессов.

Закономерно, что во многих странах на государственную гражданскую службу не принимают не служивших в вооруженных силах, по этому пути идет и Российская Федерация. В современном демократическом политическом режиме государственные служащие обязаны пользоваться уважением тех, кто на практике осуществляет важнейшую функцию государства — легитимное монопольное насилие.

Среди многих трудов политических мыслителей по проблемам устойчивого развития и динамической стабильности политических режимов применительно к теме данной статьи можно выделить работу Ю. В. Ирхина, утверждающего: «Любая модернизация с точки зрения консерваторов должна опираться на традицию и авторитет. Стремление к стабильности политических институтов сочетается у консерваторов с признанием важной регулирующей роли государства и государственной собственности в развитии страны при соответствующей поддержке рыночных отношений. Личные права и свободы в консерватизме признаются приоритетными, как выражение фундаментальных законов природы, но дополняются обязанностями человека перед обществом и государством. В духовном факторе приоритет отдается религии. В ней консерваторы видят необходимые основания морали, взаимосвязи человека, общества, культуры и власти, стабильности государственного развития»¹⁸. Политические транзиты политических режимов в современном мире без профессионально подготовленных военных интеллектуалов осуществлять не представляется возможным. В России достаточно посмотреть на кадровый состав федеральных государственных служащих, депутатов, членов Совета Федерации и губернаторов. По разным подсчетам, не менее 25 % из них имеют высшее военное образование и значительную часть своей профессиональной карьеры посвятили военной службе.

В политической истории России профессиональное умение управлять насилием и монополия на легитимное насилие всегда были одним из определяющих факторов трансформации политических режимов. Экономически конкурентоспособное, социально комфортное и политически устойчивое государство —

объективная цель военных интеллектуалов, составляющих национально ориентированную часть современного российского интеллектуального социума.

Военные интеллектуалы — объективно существующая страта не только военного, но и общероссийского социума, занимающая одно из ключевых мест в государственном управлении и играющая одну из главных (если не главенствующую) ролей в политическом режиме России на данном конкретном политико-историческом этапе. Российский политический режим эволюционирует, при всех политических бифуркациях и периодической турбулентности, в направлении к демократии с российскими национальными особенностями, к современной демократии, корреспондирующей с политической культурой многонационального народа России.

Примечания

- ¹ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. N. Y., 1996. P. 990.
- ² *Вандам (Едрихин) А. Е.* Геополитика и геостратегия. М., 2002.
- ³ *Путин В. В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 02.07.2017).
- ⁴ *Путин В. В.* Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012.06.02. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 02.07.2017).
- ⁵ *Ирхин Ю. В.* Режим политический // Социологическая энциклопедия : в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 324—327.
- ⁶ *Ирхин Ю. В.* Политология : в 2 ч. 2-е изд. М., 2017. Ч. 2 : Теория политической мысли : учеб. для академ. бакалавриата. С. 99.
- ⁷ *Хантингтон С. П.* Третья волна : демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 50—52.
- ⁸ *Хантингтон С. П.* Офицерская служба как профессия // Отечественные записки. 2002. № 8. С. 53.
- ⁹ Там же. С. 57.
- ¹⁰ *Савельев В.* Организация обучения иностранных военнослужащих в военных учебных заведениях США. URL: http://factmil.com/publ/voennoe_obrazovanie/ (дата обращения: 21.07.2017).

- ¹¹ *Грачев М. Н.* Концепция типов политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы как инструмент вестернизации национального самосознания незападных обществ // Проблемы российского самосознания: философия Льва Толстого : материалы VI Всерос. науч. конф. Тула, 2010. С. 111.
- ¹² См.: Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997. Т. 1 : Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. С. 124.
- ¹³ *Хантингтон С. П.* Третья волна. С. 255.
- ¹⁴ *Рассказов Н.* Блокада четвертая. Туристическая // Аргументы недели. 2017.19.07. URL: <http://argumenti.ru/society/2017/07/542424> (дата обращения: 21.07.2017).
- ¹⁵ *Aznar J. M.* Retratos y perfiles. De Fraga a Bush. Barcelona, 2005. P. 177.
- ¹⁶ *Powell Ch. T.* España en democracia, 1975—2000. Barcelona, 2001. P. 297.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 297—298.
- ¹⁸ *Ирхин Ю. В.* Системный анализ доктринальных основ консерватизма и неоконсерватизма // Актуальные проблемы политики и политологии в России : сб. науч. ст. М., 2010. С. 13—32, 23.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 60.543.129

А. Ю. Чередникова

ОБ ИЗУЧЕНИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАУЧНЫХ КРУГАХ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ

Известно, что интеллигентоведение как особая отрасль межпредметного гуманитарного знания выделилась сравнительно недавно, в 90-е гг. прошлого века. В основном, на заре своей жизни, этот процесс был связан с деятельностью коллег из Ивановского государственного университета, а именно с созданием в 1992 году Межвузовского научного центра «Политическая культура интеллигенции» и в 1998 году — Института интеллигентоведения при ИвГУ. Постепенно начал разрабатываться категориально-понятийный аппарат, шло формирование методологической базы, оформлялся тематический круг исследований в рамках интеллигентоведения. Конец XX века дал целую плеяду известных российских и зарубежных (прежде всего, украинских и белорусских) ученых, посвятивших свою деятельность изучению интеллигенции и ее феномену: В. С. Меметов, В. Т. Ермаков, В. С. Волков, Э. Б. Ершова, М. Е. Главацкий, И. В. Купцова и многие другие.

Первые комплексные работы по изучению военной интеллигенции как структурной компоненты интеллигентского целого появились также в начале 90-х гг. XX века. Потребность в выделении данного отряда интеллигенции в качестве уникального

© Чередникова А. Ю., 2018

Чередникова Анна Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, войсковая часть 72064 (Москва). anna41975@mail.ru

объекта исследования была predeterminedена стремлением аккумулировать теоретическое и практическое, исторически сложившееся знание о военной интеллигенции, выработать и предложить реалистичную трактовку термина, обозначить круг изучаемых вопросов исходя из специфики деятельности указанной группы, ее характеристики в рамках морально-этического, социологического, политологического подходов. Среди первопроходцев можно назвать представителей разных общественных наук: С. В. Волков, А. З. Гильманов, Е. Б. Кононова, А. М. Лушников, С. Н. Полторак, Ю. М. Ращупкин и некоторые другие¹.

Решение проблем, связанных с изучением конкретно военной интеллигенции, развивалось весьма успешно и продуктивно в силу до того слабой изученности тематики, разноплановости подходов, методологического поиска. В начале XXI века данное направление получило дополнительный импульс. Внешние угрозы (приближение НАТО к западным и юго-западным рубежам Российской Федерации, международный терроризм, экономические санкции и пр.), стагнация, застой и кризис в ВС РФ первых лет века дали толчок нынешнему реформированию армии, перевооружению вооружением и военной техникой, наращиванию военно-научного (военно-технического, военно-экономического, военно-гуманитарного) потенциала. Эти события породили исследовательский интерес к военной интеллигенции как особой прослойке интеллектуально-нравственного оплота страны, занимающейся вопросами ее обороноспособности, научно-исследовательской деятельностью военного профиля. Появился целый пласт статейных, диссертационных и фундаментальных трудов в данной сфере. Это нашло отражение в новом разделе журнала «Интеллигенция и мир», посвященном истории военной интеллигенции². Среди представителей этого научного направления можно назвать И. Н. Гостева, Н. В. Захарова, Э. М.-Г. Зулпукарову, Е. В. Ишимскую, С. И. Константинову, В. Л. Маслехина, И. И. Никонова, А. В. Попова, И. А. Самолыгу, И. А. Уварова и некоторых других³.

Нередко исследователи военной интеллигенции сами происходят из военного сословия, и их интерес к данной теме подпитывается изнутри. В связи с этим цель работы — попытаться аккумулировать, структурировать и обобщить имеющиеся сведения

о состоянии изученности военной интеллигенции представителями гуманитарного знания Вооруженных сил РФ начала XXI века. К задачам статьи следует отнести: выявление военных научных школ и центров изучения военной интеллигенции; анализ направлений в исследовании военной интеллигенции учеными разнотипного гуманитарного знания, имеющими отношение к ВС РФ; прогнозирование перспектив развития данного направления.

Изучая персоналии исследователей военной интеллигенции, мы обнаружили, что зачастую они сами принадлежат к армейским структурам. Так, можно выделить две группы ученых, занятых в научно-исследовательской, преподавательской, военно-издательской деятельности в военных вузах, военных научных изданиях, военных научно-исследовательских центрах:

— действующие / в отставке / в запасе военные чины;

— исследователи, преподаватели из числа гражданского персонала.

Их интерес оправдан и продиктован прежде всего принадлежностью к ВС и знанием внутренней жизни довольно закрытой социальной группы, перспективой изучать объект исследования — современного военного интеллигента — в реальных условиях, возможностью представлять результаты в специализированных научно-исследовательских изданиях и на конференциях, востребованностью их труда в целях формирования гуманного облика военнослужащего, воспитания военного интеллигента.

Действующие военнослужащие-интеллигентоведы⁴ и военнослужащие-исследователи военной интеллигенции, находящиеся в отставке или запасе, представляют собой группу ученых, занятых в разных сферах гуманитарного знания. Среди них наиболее яркими представителями назовем следующих. Гильманов Амир Зарифович, доктор социологических наук, полковник в отставке. В 1960 году окончил Иркутское военное авиационно-техническое училище, затем — высшие военные академические курсы Ленинградской военно-воздушной инженерной академии им. А. Ф. Можайского (1972) и Военной академии им. Ф. Э. Дзержинского (1975). С 1976 года преподавал в Ростовском и Рижском высших командно-инженерных училищах РВСН (ракетные войска стратегического назначения), а с 1978 года находился в должности начальника кафедры общественных наук Казанского

высшего военного инженерного училища. А. З. Гильманов создал и обосновал систему формирования и развития личности офицера, разработал методологическую основу теории военной интеллигенции, нашедшую применение и на практике⁵.

Представители филиала Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского (бывшее Ярославское высшее зенитно-ракетное командное училище): доктор исторических наук Сергей Григорьевич Осьмачко, полковник в отставке, бывший начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, автор не только интеллигентоведческих работ, но и краевед, исследователь локальных и мировых войн и конфликтов начала XX века⁶; кандидат исторических наук, полковник в отставке Владислав Леонидович Маслѣхин является исследователем истории НЭПа, философии войны и армии, истории науки и Великой Отечественной войны. Разрабатывает теорию военной элиты, теоретические вопросы интеллигентоведческого дискурса⁷.

Игорь Артурович Уваров — профессиональный военный, закончивший Смоленское высшее военное зенитно-ракетное инженерное училище, Гуманитарную академию ВС, Смоленский филиал Юридического института МВД России (бывший Смоленский филиал Московского университета МВД России), доктор исторических наук, непосредственно занимающийся изучением феномена рождения военной интеллигенции и становления системы образования и воспитания военного интеллигента в дореволюционной России⁸.

Целая плеяда исследователей Военного университета МО РФ (Москва) занимается направлением военного интеллигентоведения: И. А. Бродкин, И. В. Домнин (полковник запаса, заместитель редактора издания «Российский военный сборник»), А. И. Каменев (полковник запаса, профессор), А. Е. Савинкин (полковник запаса, редактор-учредитель «Российского военного сборника») и др. В стенах вуза военными историками, педагогами и социологами ведется разработка теории и методологии военной элиты, изучаются вопросы подготовки офицерских кадров, истории и стратегии развития военной школы России, военно-государственной мысли России, истории военной эмиграции⁹.

Гражданские исследователи военной интеллигенции, имеющие отношение к ВС посредством занятости в вузах, НИИ, научных изданиях, представлены более обширной группой. Их интерес к военной интеллигенции также формировался постепенно, на фоне работы над собственными, более ранними научными проектами. В результате изучения других тем авторы приходили к выводам о наличии военной интеллигенции, ее причастности к ряду социально-экономических, политических и иных процессов в истории страны. Ряд исследователей обратились и к философскому переосмыслению традиционных для себя вопросов через призму военного интеллигентоведения. Среди них назовем Елену Валентиновну Ишимскую, кандидата философских наук, автора ряда публикаций, посвященных интеллигенции в целом и военной интеллигенции в частности (ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Воронеж)¹⁰.

Исследователи из Военной академии радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск им. маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (Кострома) доктор исторических наук Иван Иванович Никонов, кандидат исторических наук Игорь Николаевич Гостев и кандидат исторических наук Игорь Алексеевич Самольга публикуют работы, касающиеся формирования личности военного интеллигента, общественных и профессиональных задач современной военной интеллигенции в сфере обороны страны, борьбы с фальсификацией истории и роли военной интеллигенции в этом процессе, истории взаимоотношений власти и армейских структур на заре истории Советского государства¹¹.

Преподаватель Вольского высшего военного училища тыла (Военный институт) Хабибулин Рифхат Габдрашидович занимается вопросами воспитания нравственных качеств и становления военного интеллигента¹².

Исходя из анализа изученных работ далеко не всех специалистов-интеллигентоведов военных учреждений, мы выделили несколько направлений военного интеллигентоведения, являющихся в настоящее время наиболее актуальными и востребованными:

— теоретические и методологические проблемы, связанные с выработкой общепринятого научного категориально-понятийного

аппарата, четкого вычленения объекта и предмета исследования, расширением источниковой базы, вовлечением новых источниковых пластов в научный оборот и пр.;

— проблемы обучения и воспитания офицерства как авангарда военной интеллигенции в разные исторические эпохи Российской истории (духовно-нравственного, религиозного, личностного и пр.);

— история белого движения, преемственности воинских и духовно-нравственных традиций в Красной армии;

— роль военной интеллигенции в вопросах формирования межнационального общения и поддержания баланса в государстве;

— значение военных вузов и кадетских корпусов в формировании личности военного интеллигента;

— роль военной интеллигенции в научной деятельности (экология, химия, физикохимия и технология стекла), в реализации научных программ оборонного значения, в борьбе с фальсификацией истории военных конфликтов и войн, что является крайне актуальным в свете событий на Украине и попыток нивелировать роль СССР, советского народа, в частности, в Победе над фашизмом;

— представители военной интеллигенции на службе Отечеству;

— региональная история военной интеллигенции.

Согласно вышеизложенному можно констатировать, что как таковых школ и центров интеллигентоведения в ВС РФ, непосредственно занимающихся вопросами изучения феномена военной интеллигенции, не существует. В российском научном обществе следует отметить лишь плеяду ученых, объединенных общим научным интересом, работающих в направлении военного интеллигентоведения. Ряд исследователей трудятся именно в военной сфере, будь то научно-исследовательская или преподавательская среда; из таких вузов выделим следующие: Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. С. К. Тимошенко (Кострома), Череповецкое ВВИУРЭ (Вологодская область), филиал Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского (Ярославль), Новосибирское высшее военное командное училище, Военный университет МО РФ (Москва),

Вольский военный институт материального обеспечения Военной академии материально-технического обеспечения им. А. В. Хрулева (Саратовская область) и др.

В русле вопросов и ряда проблем военного интеллигентоведения проводятся тематические конференции, организуемые собственно военными учебными и научно-исследовательскими учреждениями. Среди них назовем уже ставшие традиционными и достаточно популярными в научном сообществе, а также продуктивными по научно-исследовательским результатам и вкладу в интеллигентоведение: «Суворовские чтения» (с 2013 г.) и «Академические Жуковские чтения» (с 2012 г.) (Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Воронеж), «Гуманитарные проблемы военного дела» (с 2014 г.) (Новосибирское высшее военное командное училище), «Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук» (с 2006 г.) (Вольск) и некоторые другие. Один из важных импульсов военного интеллигентоведения получило в гражданском вузе, а именно в стенах ИвГУ, в рамках проводимых с 1999 года международных научно-теоретических конференций, организуемых НИИ интеллигентоведения.

Исследователи военной интеллигенции представляют результаты своей деятельности на страницах весомых и известных журналов и сборников, например «Интеллигенция и мир» (Иваново), «Вестник Северного (Арктического) федерального университета» (Архангельск) и др. Помимо собственно научных и научно-популярных изданий, в которых публикуются работы, посвященные военной интеллигенции, следует отметить не менее десяти общедоступных журналов и периодических сборников трудов, выпускающихся под эгидой Министерства обороны. Среди них «Вестник военного образования», «Российский военный сборник», «Военная мысль», «Военно-исторический журнал» (Москва), «Гуманитарные проблемы военного дела» (Новосибирск) и пр. Отметим существование публичной издательской практики при наиболее крупных военно-учебных заведениях, таких как «Вестник Военно-воздушной академии» (Воронеж), «Вестник военного университета» (Москва), «Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения»

(Москва) и иные. Публикационно-издательское поле для исследователей военной интеллигенции обширно, возможность печататься и дискутировать на страницах данных изданий более чем перспективная.

Таким образом, исследователи военной интеллигенции, относящиеся непосредственно к ВС РФ, представляют довольно малочисленную группу, в которую, однако, входят представители практически всех ветвей гуманитарного знания: историки, социологи, философы. При этом интеллигентоведы являются и действующими/в отставке/запасе военнослужащими, и представителями гражданской принадлежности. Диссертационные исследования по вопросам военного интеллигентоведения единичны. В целом круг интересов военного интеллигентоведения охватывает те же сферы, что и общего интеллигентоведения, однако профессиональная деятельность и нравственно-этическая составляющая личности военного интеллигента находятся в приоритете.

Хочется отметить, что остаются исследовательскими лакунами в науке такие проблемы, как 1) отношения военной интеллигенции и власти, 2) взаимоотношения военной интеллигенции с другими армейскими социальными подгруппами, 3) источники формирования военной интеллигенции в разные исторические эпохи, 4) история национальной военной интеллигенции народов России, 5) история военной интеллигенции в советский, постсоветский и современный исторические периоды, 6) роль военной интеллигенции в общезначимых для страны и общества политических, экономических, социальных процессах. Отметим и тот факт, что проблемность в изучении ряда вопросов военного интеллигентоведения связана не только с методологической разобщенностью, разнообразием подходов, слабостью источниковой базы и ограниченной тематической линейкой, но и с недостаточной вовлеченностью в данную тематику молодых исследователей, прежде всего военных.

В связи с этим теплится надежда, что при наиболее крупных и заинтересованных военных вузах могут возникнуть центры изучения военной интеллигенции как общекультурного и структурного феномена российской интеллигенции. Задача таких центров и исследователей будет состоять прежде всего в том,

чтобы расширить границы и насытить исследования по военной интеллигенции, применяя не только традиционные социологический, политологический и морально-этический подходы¹³. Важным и перспективным будет выработка концепции деятельностного подхода, сущность и значимость которого емко обозначил в одной из своих статей В. С. Волков: «...роль интеллигенции в обществе может быть раскрыта во всей полноте только в результате детального изучения степени реализации ею своих социальных функций, т. е. ее практической деятельности»¹⁴. Задача усложнится, конечно же, тем, что военная интеллигенция как специфическая социальная группа обладает дополнительными характеристиками, ответственностью, миссией.

Как говорят у нас в армии: «Данные требуют доразведки!»

Примечания

- ¹ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003 ; Гильманов А. З. Военная интеллигенция как социально-профессиональная группа : дис. ... д-ра социол. наук. Уфа, 1992 ; Кононова Е. Б. Офицерство и интеллигенция: взаимопроникновение и взаимосвязь // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Екатеринбург, 2000. С. 136 ; Лушников А. М. Военная интеллигенция: методологический подход к содержанию термина // Российская интеллигенция в российской и зарубежной историографии : тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., посвящ. В. Т. Ермакову и В. Л. Соскину : в 2 т. Иваново, 1995. Т. 1. С. 42—43 ; Полторак С. Н. О формировании менталитета российской военной интеллигенции: историко-психологический аспект // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход. Иваново, 2000. С. 76—77 ; Рацупкин Ю. М. О роли военной интеллигенции в подготовке офицерских кадров в Иркутском юнкерском училище // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Т. 1. С. 280 ; и др.
- ² Меметов В. С., Юркин Н. Г. Листая страницы журнала... (Основные тенденции современного интеллигентоведения) // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 107.
- ³ Гостев И. Н. Советская власть и Красная армия в 1918—1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2010 ; Захаров Н. В. Роль военной интеллигенции в формировании высокого морального духа армии Рос-

сии // Интеллигенция / интеллектуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития : XXVI Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2015. С. 183—184 ; *Зульнукарова Э. М.-Г.* Интеллигенция Дагестана на рубеже XIX—XX веков: пути формирования и практическая деятельность : дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2004 ; *Ишимская Е. В.* Сущность и противоречия личностного развития военной интеллигенции // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. URL: http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-chuvashskogo-universiteta?issue_id=852677#issues-list-title (дата обращения: 25.05.2017) ; *Константинов С. И.* Специфика Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе и военная интеллигенция России // Интеллигенция и мир. 2013. № 3. С. 81—98 ; *Маслѣхин В. Л.* Полководцы — элита военной интеллигенции // Интеллигенция / интеллектуалы в кризисные и переломные периоды... С. 106—108 ; *Никонов И. И.* Современные задачи военной интеллигенции в реализации научных программ оборонного значения // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика : материалы XXV Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2014. С. 99—101 ; *Никонов И. И., Самолыга И. А.* Военная интеллигенция в борьбе с фальсификациями истории Второй мировой войны // Там же. С. 101—103 ; *Попов А. В.* Военная интеллигенция России: генезис, формирование и развитие духовно-нравственных ценностей (X — начало XIX в.). Иваново, 2007 ; *Он же.* Генезис, формирование и развитие системы ценностей военной интеллигенции России (X — начало XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012 ; *Он же.* Динамика формирования и развития военной интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2005. № 1—2. С. 59—60 ; *Самолыга И. А.* Нравственное и религиозное воспитание будущих офицеров Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика... С. 154—156 ; *Соколов А. В.* Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009 ; и др.

- ⁴ *Чередников С. В.* Пример воинского обучения и воспитания в годы Великой Отечественной войны: военные переводчики // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Вольск, 2017. № 11. С. 42—45 ; *Чередникова А. Ю.* Без толмачей не обходится ни одна война // Военно-исторический журнал. 2008. № 5 (577). С. 25—28 ; *Она же.* Образ врага в мемуарном наследии военных переводчиков Великой Отечественной войны // Судьба Родины : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Архангельск, 2015. С. 108—113 ; *Она же.* Переводчики Великой Отечественной войны как представители советской военной

- интеллигенции (по материалам мемуарного наследия) // Интеллигенция и мир. 2016. № 1. С. 53—65 ; и др.
- ⁵ *Гильманов А. З.* Указ. соч.
- ⁶ *Осьмачко С. Г.* Интеллигенция и патриотизм // Интеллигенция и мир. 2008. № 3. С. 7—13 ; *Он же.* Ярославль в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) // Вестник Верхневолжского отделения Академии военно-исторических наук. Ярославль, 2010. Вып. 10. С. 154—164 ; *Он же.* Красная армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929—1941 гг.) : боевой опыт и военная политика. Ярославль, 1999 ; и мн. др.
- ⁷ *Маслехин В. Л.* Достойный вклад в Победу. Патриоты села Верхней Волги фронту // Вестник Верхневолжского отделения Академии военно-исторических наук. Ярославль, 2005. Вып. 4. С. 105—112 ; *Он же.* К 90-летию НЭПа. URL: <http://www.gvw-rggu.narod.ru/section/section2/stati2012/maslekhin.htm> (дата обращения: 25.05.2017) ; *Он же.* Понятие «интеллигенция» и «бритва Оккама» // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика... С. 72 ; и др.
- ⁸ *Уваров И. А.* Рождение военной интеллигенции России (Пажеский корпус) // Интеллигенция и мир. 2011. № 3. С. 89—100 ; *Он же.* Система военно-учебных заведений России XVIII — начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012 ; и др.
- ⁹ *Бродкин И. А.* Военная элита российского общества: теория и методология исследования // Вестник Военного университета. 2007. № 1 (9). С. 34—42 ; *Волков С. В.* Русское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус русской армии: опыт самопознания. М., 2000 ; *Домнин И. В.* Военная мысль в изгнании : творчество русской военной эмиграции. М., 1999 ; и др.
- ¹⁰ *Ишимская Е. В., Коновалов Д. В.* Сущность и специфика духовного мира военной интеллигенции // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2015. Вып. 1 (6), т. 2. С. 93—95 ; *Ишимская Е. В.* Сущность и противоречия личностного развития военной интеллигенции ; *Она же.* Региональный аспект личностного развития военной интеллигенции // Регионология REGIONOLOGY. 2009. № 1. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/283> (дата обращения: 25.05.2017) ; и др.
- ¹¹ *Никонов И. И.* Александр Невский — воин и полководец. URL: <http://pandia.ru/text/80/113/11609.php> (дата обращения: 25.05.2017) ; *Он же.* Современные задачи военной интеллигенции в реализации научных программ оборонного назначения // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика... С. 99—101 ; *Самолыга И. А.* Нравственное и религиозное воспитание... ; и др.

- ¹² *Хабибулин Р. Г.* Воинский долг — одно из основополагающих нравственных качеств будущего офицера // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 2 (3). С. 51—54 ; *Он же.* Обоснование модели формирования нравственных качеств будущих офицеров : социальное воспитание // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15. С. 128—130.
- ¹³ См.: *Купцова И. В.* К вопросу о соотношении понятий «интеллигенция» и «креативный класс» // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика... С. 30—32.
- ¹⁴ *Волков В. С.* Деятельностный подход — важное средство расширения диапазона и углубление интеллигентоведческих исследований // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика... С. 15—18.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

ББК 63.3(2)522-414.13

А. Ю. Суслов

К ЮБИЛЕЮ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

Сборник научных трудов, вышедший к 175-летию со дня рождения выдающегося российского мыслителя и общественного деятеля Николая Константиновича Михайловского (1842—1904)¹, продолжает хорошую традицию издания в Воронеже коллективных работ, посвященных различным аспектам народнической проблематики. В этом ряду в последние годы появились сборники статей «Воронеж народниковедческий»², «Народники в истории России» (два выпуска, 2013 и 2016 гг.)³, «История и историография правого народничества»⁴, хрестоматия «Культурное народничество 1870—1900-х гг.»⁵. Инициатором и составителем этих изданий является известный специалист в области российского общественного движения второй половины XIX — начала XX в. доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета Г. Н. Мокшин.

Вполне логичным выглядит появление в Воронеже, как одном из центров современного российского народниковедения, сборника о Н. К. Михайловском — культовой фигуре, «властителе дум» российской народнической интеллигенции рубежа веков. Так, А. П. Чехов, в ответ на предложение революционера и поэта П. Ф. Якубовича принять участие в сборнике в честь сорокалетия литературной деятельности Михайловского, писал: «Я глубоко уважаю Н. К. Михайловского с тех пор, как знаю его, и очень многим обязан ему... Мне кажется, что Н[иколай] К[онстантинович] слишком большой и слишком заметный человек, чтобы празднование его 40-летнего юбилея можно было ограничить изда-

© Суслов А. Ю., 2018

Сулов Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета. plusha131333@yandex.ru

нием сборника... Если бы от меня зависело, то я объявил бы конкурс на книгу о деятельности Н[иколая] К[онстантиновича], очень хорошую и нужную книгу, которую издал бы не спеша, с толком, издал бы указатель статей его и о нем, выпустил бы прекрасный портрет его...»⁶ Составитель юбилейного сборника Г. Н. Мокшин отмечает во введении (с. 6), что только до 1914 г. о Н. К. Михайловском было опубликовано около 600 работ. Немало внимания уделили творческому наследию Михайловского и советские ученые. В новейшей библиографии за период 1989—2016 гг., представленной в рецензируемом сборнике (с. 284—299), отмечено около 200 публикаций, так или иначе затрагивающих жизнь и деятельность одного из «главных творцов и выразителей самосознания» пореформенной российской интеллигенции. К сожалению, составители библиографии отказались от включения в нее работ последних лет зарубежных авторов, в частности монографии Э. Матхуры⁷.

Структурно сборник состоит из трех разделов, посвященных, соответственно, жизненному пути Н. К. Михайловского, его общественной позиции и мировоззрению, а также роли в общественном движении пореформенной России. Авторами выступили ведущие российские специалисты по истории общественного движения из разных научных центров — Р. А. Арсланов, В. В. Блохин, В. В. Зверев, Е. К. Прокудина, А. А. Шириняц из Москвы, П. И. Талеров из Санкт-Петербурга, М. Д. Карпачев, О. Н. Квасов, Г. Н. Мокшин из Воронежа, О. В. Коновалова из Красноярска, О. А. Милевский из Сургута, В. В. Назаров из Балашова, С. Н. Касторнов из Орла, О. Л. Протасова и А. И. Юдин из Тамбова, Т. В. Цымрина из Таганрога.

В первом разделе сборника речь идет об основных этапах жизни Н. К. Михайловского и людях, повлиявших на его интеллектуальное становление. Как отмечает В. В. Блохин в статье «Николай Константинович Михайловский: жизнь, отданная идее», к концу 1860-х гг. у Михайловского сложились основные идейные контуры мировоззрения, ключевые принципы его народничества, дополненные в 1870-е гг. социологическими аргументами. Это произошло под влиянием работ целого ряда отечественных и зарубежных мыслителей, среди которых можно выделить Д. И. Писарева, О. Конта, Н. Д. Ножина. Г. Н. Мокшин в своей работе подробно анализирует историю дружбы Н. К. Михайловского и С. Н. Кривенко, оказавшей заметное влияние на их

жизнь и деятельность. В. В. Блохин и О. А. Милевский обратились к личной жизни Н. К. Михайловского, рассмотрев его характер, психологические особенности, ближний круг общения на материалах переписки с писательницей Е. П. Летковой-Султановой.

Второй раздел характеризует общественную позицию и мировоззрение Н. К. Михайловского. Анализу подвергается как его социалистическая доктрина и социальная философия в целом (В. В. Зверев и А. И. Юдин), так и отдельные аспекты творчества — взгляды на государство, политическую культуру пореформенной интеллигенции, революционный терроризм и национальный вопрос.

Третий раздел сборника раскрывает деятельность Н. К. Михайловского в общественном движении пореформенной России: роль как теоретика народничества, эволюция его политической программы, взаимоотношения с «Народной волей», народными социалистами и социалистами-революционерами (в лице В. М. Чернова).

Содержательный сборник о Н. К. Михайловском, изданный в Воронеже, существенно обогащает наши представления об этом незаурядном деятеле отечественной общественной жизни, «Сахарове старой России» (В. В. Блохин). В качестве пожелания стоит отметить, что сборник только выиграл бы от включения историографических сюжетов, а также статей, рассматривающих эволюцию образа Николая Константиновича Михайловского в историческом сознании и исторической памяти советского и российского общества.

Примечания

- ¹ Н. К. Михайловский : человек. Мыслитель. Общественный деятель : (к 175-летию со дня рождения) : сб. науч. тр. / отв. ред. Г. Н. Мокшин. Воронеж, 2017.
- ² Воронеж народниковедческий : сб. ст. / под ред. Г. Н. Мокшина. Воронеж, 2012.
- ³ Народники в истории России : межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2013. Вып. 1 ; 2016. Вып. 2.
- ⁴ История и историография правого народничества : сб. ст. / отв. ред. Г. Н. Мокшин. Воронеж, 2014.
- ⁵ Культурное народничество, 1870—1900-х гг. : хрестоматия / сост. Г. Н. Мокшин. Воронеж, 2016.
- ⁶ Чехов А. П. Полн. собр. соч. : в 30 т. М., 1980. Т. 9. С. 88—89.
- ⁷ Mathura E. Foundations of Sociological Subjectivism : the Social Thought of N. K. Mikhailovsky (1842—1904). London, 2004.

АННОТАЦИИ

Зябликов А. В. Политическое позиционирование российской художественной интеллигенции на рубеже XIX—XX веков: тенденции и стратегии

Ключевые понятия: история, культура, политика, общественное сознание, государство, либерализм, консерватизм.

Выявляются особенности политического самопознания российской художественной интеллигенции на рубеже XIX—XX вв. Анализируется художническое понимание истории, государства, политического реформаторства. Недостижимость идеального государства не отменяла художнических размышлений о разумных и органичных культуре народа формах общественно-политического устройства.

Золотарев О. В. Сталинская модернизация и советская интеллигенция

Ключевые понятия: советская интеллигенция, государственная политика по отношению к интеллигенции, уровень жизни интеллигенции, модернизация.

Исследуется положение советской интеллигенции с точки зрения ее роли в общественной жизни СССР в 1930—40-е гг. Анализируются вопросы государственной политики по отношению к интеллигенции, ее формы, методы, изменения, вскрываются причины перемен.

Комиссаров В. В. Научно-популярная книжная серия «Эврика» как источник по истории советской интеллигенции 1965—1976 годов

Ключевые понятия: интеллигенция, научно-художественная книга, популярная публицистика, источниковедение истории интеллигенции.

Рассматриваются источниковедческие аспекты публикаций в рамках научно-художественной книжной серии «Эврика», основанной издательством «Молодая гвардия» в 1965 г. Анализируются проблемы авторства, особенности содержания, специфика серии в указанные годы.

Глазунов С. Р. Российская интеллигенция в либеральных преобразованиях: И. И. Янжул и реформа фабричного законодательства в 1882—1914 годы

Ключевые понятия: И. И. Янжул, российская интеллигенция, институт фабричной инспекции, реформа фабричного законодательства, служебная деятельность, научно-исследовательские труды.

Представлен анализ разносторонней деятельности И. И. Янжула как яркого представителя либеральной интеллигенции в пореформенной России. На основе мемуарной литературы, официальных документальных данных и материалов выясняется его роль в реализации реформы фабричного законодательства в России 1882—1917 гг. и становлении в стране гражданского общества.

Назаров И. Д. Назаров Юрий Николаевич: философ, педагог, интеллигент

Ключевые понятия: некролог, философ, педагог, интеллигент, революция.

Статья посвящена светлой памяти доктора философских наук, доцента, профессора кафедры культурологии и литературы Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» Ю. Н. Назарова. Являясь его учеником, автор попытался проанализировать научный и педагогический путь Юрия Николаевича, дать оценку его богатейшему философскому наследию.

Уханова Ю. В. Российская интеллигенция: образование как фактор формирования гражданской позиции

Ключевые понятия: гражданская позиция, интеллигенция, образовательный уровень, патриотизм, социальное участие.

Рассмотрена проблема гражданской позиции российской интеллигенции, в качестве базового критерия определения которой используется высокий образовательный уровень. Выявлено, что для наиболее образованной группы населения характерна большая степень проявления гражданских качеств и участия в общественных практиках. Вместе с тем анализ показал, что образовательный капитал этой социальной категории слабо реализуется в построении реальных стратегий активной гражданской позиции в обществе.

Бойко С. И. Военные интеллектуалы в политическом режиме современной России

Ключевые понятия: военные интеллектуалы, политический режим, вестернизация политической культуры, устойчивость однополярного мира.

Предпринята попытка политологического анализа причин активного участия профессионально подготовленных военных интеллектуалов в политическом управлении, в создании условий для формирования устойчивого демократического режима с учетом национальных политических, социальных и экономических особенностей современной России. На примере Испании показано значение военных интеллектуалов в осуществлении успешного политического транзита к национальной демократии. Обоснована ключевая роль военных интеллектуалов и военной политической культуры в противодействии экспорту демократии и модели однополярного мироустройства.

Чердникова А. Ю. Об изучении военной интеллигенции в научных кругах современных Вооруженных сил РФ

Ключевые понятия: интеллигентоведение, военная интеллигенция, высшие военно-учебные заведения, Вооруженные силы РФ.

Исследуется состояние изучения военной интеллигенции представителями гуманитарного знания Вооруженных сил РФ начала XXI в. На материалах трудов современных военных интеллигентоведов рассматриваются степень вовлеченности и интереса к проблеме научных кругов ВС РФ, уровень востребованности работ в данном направлении. Предпринимается попытка вычленить наиболее актуальные для современного военного интеллигентоведения темы исследований, анализируются их перспективные векторы. Выявляются возможности для осуществления подобных исследований учеными-гуманитариями ВС РФ.

Суслов А. Ю. К юбилею Н. К. Михайловского

Ключевые понятия: Н. К. Михайловский, народничество, общественное движение, пореформенная Россия.

Рассматривается сборник научных статей, изданный в Воронеже в 2017 г. к юбилею Н. К. Михайловского (1842—1904), анализируется структура и содержание его материалов.

Zyablikov A. V. Political positioning of Russian artistic intelligentsia on the verge of the XIX—XX centuries: trends and strategies

Key notions: history, culture, politics, public consciousness, state, liberalism, conservatism.

The article reveals the character of political self-awareness of Russian artistic intelligentsia on the verge of the XIX—XX centuries. It analyses artistic awareness of history, state and political reformation. Unattainability of the ideal state could not prevent artistic reflections on sensible forms of social and political structure.

Zolotarev O. V. Stalin modernization and Soviet intelligentsia

Key notions: the Soviet intelligentsia, state policy in relation to intelligentsia, the standard of living of intelligentsia, modernization.

The article investigates the position of the Soviet intelligentsia from the point of view of its role in public life of the USSR in 1930—1940-s. Analyzed are the questions of state policy in relation to intelligentsia, its forms, methods, changes; shown are the reasons of changes.

Komissarov V. V. The popular scientific book series «Eureka» as a source of history of the Soviet intelligentsia of 1965—1976

Key notions: intelligentsia, scientific and art book, popular journalism, history source study of intelligentsia.

The article considers source study aspects of publications within the scientific and art book series «Eureka» created by «Young Guard» publishing house in 1965. Analyzed are the problems of authorship, feature of contents, specifics of the series in the specified years.

Glazunov S. R. Russian intelligentsia in the liberal transformations: I. I. Yanzhul and the reform of the factory legislation in 1882—1914

Key notions: I. I. Yanzhul, Russian intelligentsia, institute of factory inspection, reform of the factory legislation, office activity and research works.

The article shows the analysis of versatile activity of I. I. Yanzhul as a bright representative of the liberal intelligentsia in post-reform Russia. On the basis of memoirs literature, official documentary data and materials his role in realization of reform of the factory legislation in Russia 1882—1917 and formation in the country of civil society becomes clear.

Nazarov I. D. Nazarov Yuri Nikolaevich: philosopher, teacher, intelligent

Key notions: necrology, philosopher, teacher, intelligent, revolution.

The article is dedicated to the bright memory of the Doctor of Philosophy, associate professor, professor of the department of culturology and literature of the Shuisk Branch of the Ivanovo State University Y. N. Nazarov. Being his assistant, the author tried to analyze the scientific and pedagogical way of Yuri Nikolayevich, to evaluate his richest philosophical heritage.

Ukhanova Yu. V. Russian intelligentsia: education as a factor of a civic stand formation

Key notions: civic stand, intelligentsia, educational level, patriotism, social participation.

The article considers the problem of a civic stand of Russian intelligentsia in which basic criterion of definition of the high educational level is used. It is revealed that big extent of manifestation of civil qualities and participation in public practicing is characteristic of the most educated group of the population. At the same time the analysis has shown that the educational capital of this social category is poorly implemented in creation of real strategy of an active civic stand in society.

Boiko S. I. Military intellectuals in the political regime of modern Russia

Key notions: military intellectuals, political regime, westernization of political culture, stability of the unipolar world.

The article makes an attempt of the political science analysis of the reasons of active participation of professionally prepared military intellectuals in political management, in creation of conditions for formation of steady democratic regime taking into account national, political, social and economic peculiarities of modern Russia. On the example of Spain shown is the value of military intellectuals in implementation of successful political transit to national democracy. The key role of military intellectuals and military political culture in counteraction to export of democracy and the model of unipolar world order is proved.

Cherednikova A. Yu. About studying of the military intelligentsia in scientific community of the modern Armed Forces of the Russian Federation

Key notions: intelligentsia studies, military intelligentsia, the high military schools, Armed Forces of the Russian Federation.

The condition of studying of the military intelligentsia is investigated by representatives of humanitarian knowledge of the Armed Forces of the Russian Federation of the beginning of the 21st century. On materials of works of modern military members of intelligentsia studies the degree of the involvement and interest in a problem of scientific community of Russian Armed Forces, level of demand of works in this direction are considered. An attempt to isolate the subjects of researches most relevant for a modern military intelligentsia studies is made, their perspective vectors are analyzed. Opportunities for implementation of similar researches by scientists-humanists of Russian Armed Forces come to light.

Suslov A. Yu. To N. K. Mikhaylovsky's anniversary

Key notions: N. K. Mikhaylovsky, populism, social movement, post-reform Russia.

The article shows the collection of scientific articles published in Voronezh in 2017 to N. K. Mikhaylovsky's anniversary (1842—1904), the structure and content of its materials is analyzed.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2018 № 1

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 22.02.2018 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 48. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00. E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

